

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ ЕВРОПЫ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

В. Я. Швейцер

**ПАРТИЙНО-
ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА
ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА
В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА**

МОСКВА
ИЕ РАН
2021

**Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки**

**Институт Европы
Российской академии наук**

В.Я. Швейцер

**ПАРТИЙНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА
ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА
В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА**

**Доклады Института Европы
№ 383**

Монография

**Москва
ИЕ РАН
2021**

УДК [329:061.1ЕС]"20"
ББК 66.6(4) "20"
Ш34

Редакционный совет:
Ал.А. Громько (председатель),
Н.Б. Кондратьева (зам. председателя), А.И. Бажан,
В.Б. Белов, О.В. Буторина, К.Н. Гусев, П.Е. Кандель,
Р.Н. Лункин, О.Ю. Потёмкина

Научный редактор П.Е. Кандель,
редактор Е.В. Дрожжина

Рецензенты:

Храмцов Александр Фёдорович, доктор политических наук
Мироненко Виктор Иванович, кандидат исторических наук

Тема НИР 0167-2021-0006

«Эволюция партийной системы, электоральные тенденции,
формирование и деятельность органов законодательной и
исполнительной власти в странах – членах Евросоюза 2021–2023 гг.»

**Швейцер В.Я. Партийно-политическая система Европейского со-
юза в начале XXI века = The party and political system of the European
Union at the beginning of the XXI century : монография / В.Я. Швейцер.
– М.: Ин-т Европы РАН, 2021. – 110 с. – Доклады Института Европы
= Reports of the Institute of Europe / Федеральное гос. бюджетное
учреждение науки Ин-т Европы Российской акад. наук ; № 383). –
Парал. тит. л. англ. – DOI: http://dx.doi.org/10.15211/report52021_383.
– ISBN 978-5-98163-175-7.**

В монографии исследуются наиболее значимые проблемы современной партийно-политической ситуации в странах Европейского союза. Изучены особенности электорального процесса в период выборов в Европейский парламент. Показано общее и особенное в деятельности основных отрядов европейской партийной системы: демократов-консерваторов, либералов, социал-демократов, «зелёных», левых социалистов, региональных партий, национал-изоляционистов.

Мнение авторов может не совпадать с мнением редакционного совета.

DOI: http://dx.doi.org/10.15211/report52021_383

© ИЕ РАН, 2021

Russian Academy of Sciences

Institute of Europe RAS

V.J. Schweitzer

**THE PARTY AND POLITICAL SYSTEM
OF THE EUROPEAN UNION
AT THE BEGINNING OF THE XXI CENTURY**

**Reports of the Institute of Europe
№ 383**

Monography

**Moscow
IE RAS
2021**

Аннотация

В монографии, охватывающей события первых двух десятилетий XXI в., исследованы наиболее значимые процессы в партийно-политической системе Европейского союза. Проанализированы программные документы различных политических течений Европы, общее и страновое в партийном сегменте государств – членов ЕС. Особое внимание уделено избирательным кампаниям в период выборов в Европейский парламент, детально изучена специфика основных «партийных семей» Евросоюза – христианских демократов / консерваторов, либералов, социал-демократов, «зелёных», этнорегиональных партий, национал-изоляционистов. Автор констатирует турбулентность в развитии партийно-политической системы современной Европы, непредсказуемость эволюции этого ключевого элемента интеграционного процесса в Старом Свете.

Annotation

The monograph, covering the events of the first two decades of the XXI century, examines the most significant processes of the party political system of the European Union. The program documents of various political trends in Europe, common and country-specific in the party segment of the EU member states are analysed. Special attention is paid to election campaigns during the elections to the European Parliament, the specifics of the main «party families» of the European Union – Christian Democrats / Conservatives, Liberals, Social Democrats, «greens», ethno-regional parties, national isolationists are studied in detail. The author states the turbulence in the development of the party-political system of modern Europe, the unpredictability of the evolution of this key element of the integration process in the Old World.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	7
Глава 1. Партии и власть в Евросоюзе: закономерности и особенности.....	8
1.1. Партийный компонент и перипетии нового тысячелетия.....	9
1.2. Эволюция институтов политической власти.....	11
1.3. Комплекс вялотекущего абсентеизма.....	13
1.4. Партии в документах наднациональных европейских структур.....	18
1.5. Новый век – новые дефиниции.....	22
Глава 2. «Партийные семьи» европейского истеблишмента...	26
2.1. Демохристиане и консерваторы в правой политической культуре.....	27
2.2. Либералы: роль и место в Евросоюзе.....	32
2.3. Антикризисная стратегия и тактика правых.....	36
2.4. Принципиальное и конъюнктурное в правой политике....	40
2.5. Социал-демократическая составляющая истеблишмента.	45
2.6. Социал-демократия и выборы в «эру кризисов».....	49
2.7. Партийный «триумвират» в политических играх начала XXI века.....	58
Глава 3. Партии «второго ряда» в национальном и европейском масштабах.....	65
3.1. «Зелёные»: лояльные критики евроинтеграции.....	67
3.2. Этнорегиональные партии между сепаратизмом и автономией.....	73
3.3. Левые социалисты на общеевропейском политическом поле.....	78
3.4. Национал-изоляционизм: закономерности и специфика.....	86
Заключение. Европейская многопартийность в условиях турбулентности.....	97
Литература	101
Об авторе	107

CONTENTS

Introduction	7
Chapter 1. Parties and Power in the European Union:	
Patterns and Features.....	8
1.1. The Party Component and the Vicissitudes of the New Millennium.....	9
1.2. The Evolution of Political Power Institutions.....	11
1.3. The Complex of Sluggish Absenteeism.....	13
1.4. Parties in the Documents of Supranational European Structures.....	18
1.5. The New Century – New Definitions.....	22
Chapter 2. «Party Families» of the European Establishment.....	26
2.1. Demochristians and Conservatives in the Right-Wing Political Culture.....	27
2.2. Liberals: the Role and Place in the European Union.....	32
2.3. Anti-Crisis Strategy and Tactics of the Right.....	36
2.4. Principled and Opportunistic in the Right-Wing Politics.....	40
2.5. The Social-Democratic Component of the Establishment.....	45
2.6. Social-Democracy and Elections in the «Era of Crises».....	49
2.7. The Party «Triumvirate» in the Political Games of the Beginning of the XXI Century.....	58
Chapter 3. «Second-Row» Parties on a National and European Scale.....	65
3.1. «Greens»: Loyal Critics of European Integration.....	67
3.2. Ethno-Regional Parties between Separatism and Autonomy..	73
3.3. Left-Wing Socialists in the Pan-European Political Field.....	78
3.4. National Isolationism: Patterns and Specifics.....	86
Conclusion. European Multiparty System in Turbulent Conditions.....	97
Literature	101
About the Author	107

ВВЕДЕНИЕ

Начало 2020 г. коренным образом изменило ситуацию в странах – членах Европейского союза. Тема коронавирусной пандемии не просто стала первостепенной среди проблем, традиционно объединявших интересы государств, входящих в ЕС. Она практически определила на ближайшую, а может быть, и на более длительную перспективу алгоритм политических действий в рамках как стран – участниц союза, так и этой организации в целом. На парламенты и правительства Старого Света легла особая ответственность за сохранение жизни и здоровья граждан европейского континента. Главными компонентами этого, ранее никак не просчитанного процесса, остаются, как и в прошлом, политические партии и движения, определяющие вектор развития своих государств. Не менее важна и их роль в такой приоритетной конструкции современной Европы, как партийно-политическая система ЕС.

Предлагаемое читателю исследование может, по мнению автора, систематизировать накопленные в первые два десятилетия XXI в. знания об этой ключевой составляющей европейской политической жизни. Вполне естественно, что главное внимание будет уделено рассмотрению в общеевропейском и национальном аспектах деятельности партий и движений, определивших в допандемийный период контуры общекионтинентального и странового развития. Не может остаться вне исследовательского интереса и функционирование институтов власти – парламентов, правительств, прочих атрибутов процесса формирования реальной политики в масштабах Европейского союза. Именно в этих властных конструкциях проявляют себя политические партии, их элиты и лидеры, тесно связанные с электоратом различных мировоззренческих оттенков.

Анализ многообразного партийно-политического пространства в рамках Евросоюза даёт возможность понять суть решений, принимаемых в странах-членах и воспроизводимых при различных политических обстоятельствах в деятельности основного законодательного органа ЕС – Европейского парламента (ЕП), ключевого института власти исполнительной – Евро-

пейской комиссии (ЕК). При этом сугубо партийный компонент является в случае с ЕП определяющим, а в деятельности ЕК сопутствующим, подчинённым всё же приоритету межгосударственных договорённостей на высшем уровне.

Тему развития партийно-политического пространства ЕС в первые два десятилетия XXI в. следует периодизировать в рамках легислатур как Европейского парламента, так и Европейской комиссии. Они традиционно ограничиваются выборами в ЕП и формированием, по итогам общеевропейского электорального процесса, главных институтов законодательной и исполнительной власти.

Пятилетние легислатуры охватывают периоды, начинающиеся с выборов 1999, 2004, 2009, 2014, 2019 гг., традиционно приходящихся на различные даты мая-июня. Их итоги неотделимы как от событий, имеющих непосредственное отношение к странам, где действуют соответствующие партии, так и от общеевропейского и международного контекстов. Всё это в совокупности определяет электоральные тенденции в ЕС, даёт импульс тем или иным решениям, принимаемым органами законодательной и исполнительной власти Союза. Автор надеется, что его монография, методологически совмещающая исторические и политологические принципы исследовательского процесса и не претендующая на охват всех сфер партийно-политического пространства Старого Света, поможет заинтересованному читателю лучше понять европейскую ситуацию первых двух десятилетий XXI в. Оценки общего и особенного, национально-ориентированных и континентальных решений, должны способствовать пониманию происходившего в этот период в недрах Евросоюза и укрепить наши знания о европейском политическом процессе, важной составной частью которого является партийная проблематика.

ГЛАВА 1. ПАРТИИ И ВЛАСТЬ В ЕВРОСОЮЗЕ: ЗАКОНОМЕРНОСТИ И ОСОБЕННОСТИ

Институт политических партий является важнейшим структурным элементом властной системы современного европей-

ского общества. Без учёта эволюции и развития этой несущей опоры государств – членов ЕС вся система выглядит не более чем декоративным украшением на брюссельско-страсбургском фасаде союза. Налицо насущная необходимость детального анализа совокупности взаимосвязанных, хотя и далеко не всегда синхронно функционирующих органов законодательной и исполнительной власти, с учётом их региональных особенностей и путей исторического развития.

1.1. Партийный компонент и перипетии нового тысячелетия

Нельзя не согласиться с Ал.А. Громько, определяющим партийно-политическую систему как конструкцию «устойчивых взаимоотношений политических партий, обеспечивающую представительство электората и реализующую его волю государственными органами власти»¹. Хотелось бы к этому бесспорному выводу добавить, что партии не только реализуют волю электората, но и формируют у него своей пропагандистской деятельностью определённые требования, используемые в электоральном процессе. Вполне естественно, что партийно-политическая система стран, входящих в ЕС, не статична. Тем более что членский состав союза в первые два десятилетия XXI в. подвергся серьёзным изменениям. Это и вхождение в «клуб 15» государств, сформировавших союз к началу нового тысячелетия, дюжины новых членов, прежде всего из стран, идеологически исповедовавших, как им казалось, «социалистические» ценности. Это имевший ещё большее значение и пока ещё не до конца оценённый в историческом контексте «брекзит», выведший из его рядов Великобританию. Это, наконец, и не имеющее пока чётких параметров размежевание внутри ЕС «старожилов» и вишеградских новичков, прежде всего Венгрии и Польши. Оказался замороженным, опять-таки на неопределённый срок, процесс пополнения рядов организации за счёт государств западнобалканского региона.

Всё это существенные факторы формирования европейского партийно-политического пространства. Однако при всей оче-

¹ Громько Ал.А. Модернизация партийной системы Великобритании. М.: Весь Мир, 2007. С. 9.

видной важности страновых и региональных особенностей, определяющих «ветер перемен» в партийной жизни Европы, нельзя игнорировать тенденции общеконтинентального и глобального масштаба. Без их учёта трудно понять и оценить изменения в умонастроениях европейского избирателя. Да и сам правящий класс постоянно испытывает на себе воздействие разновекторных тенденций, зарождающихся внутри и вне Старого Света. Тем более что с начала XXI в. государства – члены ЕС пережили острые кризисные потрясения в финансовой и банковской сферах, не смогли полностью преодолеть кризис задолженности, сохранившийся в южноевропейской зоне ЕС высокий уровень безработицы. Миграционный кризис охватил в той или иной степени почти все государства Евросоюза. Волны беженцев, захлестнувшие в 2015–2016 гг. Старый Свет, стали следствием не только экономического упадка в африканском регионе, но также результатом военно-политических конфликтов на севере Африки и в странах Ближнего и Среднего Востока. Побудительным мотивом для массовой иммиграции, имеющим стратегическое значение, стали и нарастающие природные катаклизмы, во многих случаях несовместимые с жизнедеятельностью людей, проживающих в зонах климатической неустойчивости. Существенную роль в эволюции мировоззрения европейского населения сыграл очевидный сбой в сфере международных отношений. Украинский кризис 2014–2017 гг. выявил несовпадения во мнениях, а отчасти и в действиях евросоюзозовских акторов. И избрание Д. Трампа на пост президента США, и уже упомянутый брекзит свидетельствовали о переносе противостояния в казавшийся ранее монолитным западный лагерь.

Европейский избиратель, участвуя в последние годы в выборах различного уровня – президентских, парламентских, местных, в референдумах любого масштаба, – учитывал при принятии решений весь комплекс сопутствующих этим мероприятиям обстоятельств. Здесь и итоги правления тех, кто уже находился у власти, и реальность контраргументов оппозиции, и фактор скандальных разоблачений (подтверждённых документально либо достаточно сомнительных), касающихся главных действующих лиц политического процесса. Результаты выборов

отражали двухмерность основной традиционной логики избирателей: опасность возможного ухудшения своего социально-экономического положения или слабую надежду на какие-либо перемены позитивного свойства. В условиях крайне нестабильной обстановки в мире на иные варианты рассчитывать не приходилось.

1.2. Эволюция институтов политической власти

Отцы – основатели европейской системы интеграционных связей рассчитывали, что со временем ключевые решения, принимаемые в ЕС, плавно перейдут из национальных органов власти в наднациональные. Таковыми в соответствующих документах союза обозначались Европейский парламент и Европейская комиссия. При этом политические партии стран, входящих в ЕС, выполняли как бы двойные функции. С одной стороны, они отстаивали интересы граждан своих стран, естественно, со свойственными им разнообразными идейно-политическими позициями. С другой, они формировали подспудно общеевропейский ответ на вопросы как текущего момента, так и перспективных ситуаций. Вполне естественно, что никто не рассчитывал на скорейший переход всей полноты законодательной и исполнительной власти в руки чиновников наднационального уровня. Тем более в период увеличения ЕС в начале 2000-х гг. за счёт ряда государств, мелких и средних по размерам территорий и численности населения, ранее считавшихся «социалистическими». Последние, даже рассчитывая получить от членства в союзе важные экономические и политические дивиденды, отнюдь не были готовы обменять их на утрату определённой части суверенитета и права самостоятельного принятия решений общеевропейского характера.

Вплоть до вступления в силу с 2009 г. Лиссабонского договора функции Европейского парламента выглядели весьма неопределённо. В процессе законодательного нормотворчества постоянно увеличивалось его участие в формировании общей европейской политики. Возможности ЕП укреплялись не только в законотворческом процессе, повышалось и его влияние на деятельность определённых институтов исполнительной власти. В частности, председатель Европейской комиссии не мог

быть избран без положительного мнения парламента. Сохранялась и совершенствовалась процедура формирования института еврокомиссаров и в конечном итоге в Лиссабонском договоре была зафиксирована прямая связь между выборами и формированием состава ЕК.

Её председатель выдвигался парламентом, причём приоритет здесь принадлежал наиболее крупной по численности фракции ЕП, которая предлагала т.н. «основного кандидата». Забегая вперёд, скажем, что после майских 2019 г. выборов в ЕП эта схема была несколько скорректирована.

Политический контроль ЕП над ЕК предполагал и такой сюжет, как вотум недоверия главному органу исполнительной власти. В Лиссабонском договоре была прописана процедура подобного развития событий. Предложение о вотуме недоверия выносила группа депутатов, представляющих не менее $\frac{1}{10}$ спичечного состава ЕП. Если за вотум проголосовало не менее $\frac{2}{3}$ членов ЕП, то Комиссия должна была немедленно уйти в отставку. В конце 2014 г. такая безуспешная попытка была предпринята в отношении Комиссии, возглавлявшейся Ж.-К. Юнкером. Важной новацией, зафиксированной в Лиссабонском договоре, стала процедура смены председателя Европейского совета. Формально этот пост ротировался раз в 2,5 года, хотя не исключалась и возможность продления до 5 лет при согласовании этого членами совета – главами государств ЕС. Ж.-К. Юнкер в конце своей легислатуры предлагал объединить оба поста (председателя ЕК и ЕС), но не нашёл поддержки у других лидеров союза. Ещё одной новацией в договоре стало официальное учреждение поста Верховного комиссара по внешней и оборонной политике, фактически первого вице-председателя ЕК.

Лиссабонский договор зафиксировал два важных для формирования партийно-политической системы союза принципа. Во-первых, статус ЕП как представительства граждан союза, во-вторых – статус Европейского совета как собрания глав государств или правительств, избранных в своих странах посредством национальных демократических процедур. Но в целом ЕП остался, как и прежде, консультативным органом, а ЕК и Европейский совет сохранили в реальности характер достаточно за-

крытых клубов европейского истеблишмента, определяющих свою политику в основном в рамках процедуры, весьма ограниченной с точки зрения гласности².

1.3. Комплекс вялотекущего абсентеизма

Общеизвестно, что выборы любого уровня являются наиболее объективным индикатором политической культуры той или иной страны. Когда речь идёт о такой относительно новой конструкции, как Европейский парламент, то здесь важна степень вовлечённости граждан ЕС в соответствующий электоральный процесс. Определяется, прежде всего, уровень политического доверия к наднациональной законодательной власти, к её решениям и их влиянию как на каждодневные, так и перспективные проблемы жизнедеятельности граждан союза. Явка на выборы в ЕП и стала той лакмусовой бумажкой, с помощью которой власть имущие ЕС смогли определить масштабы заинтересованности населения своих стран в развитии и углублении интеграционного процесса.

Анализировать явку на евровыборы логично по регионально-страновым параметрам, при очевидном учёте тех изменений, которые происходили в составе самих членов этой организации. Если выборы в ЕП до 2004 г. охватывали лишь 15 стран Европы, причём с разным временным лагом членства, то в последующие 15 лет число участников электорального процесса возросло до 28 государств. Явка, безусловно, зависела и от правил проведения выборов. Они были сформулированы в Договоре о Европейском союзе (1992 г.) и уточнены в Лиссабонском договоре. Категория гражданства ЕС позволяла избирателям любого члена ЕС участвовать в выборах, даже находясь вне страны своего проживания. Важно и то, что до сих пор ЕС формулирует лишь общие принципы проведения выборов, а процедура голосования регулируется национальным избирательным законодательством³. Последнее положение несколько смазывает демократизм электорального процесса, ибо объект электоральных предпочтений гражданина может находиться за границами государства, в котором он имеет право реализовывать политиче-

² Европейское право. М.: Норма Инфра-М, 2011. С. 188, 189.

³ Там же. С. 190, 191.

ские интересы. Поэтому далеко не все из находящихся вне места основного проживания (а таковых немало благодаря обеспеченной Шенгенскими соглашениями мобильности граждан ЕС) готовы принять участие в евровыборах.

Все эти обстоятельства необходимо учитывать, сопоставляя по электоральным циклам явку избирателей на выборы в ЕП. Наивысшей она была на первых выборах 1979 г. (63%). Спустя 20 лет она понизилась до 49%, охватив избирателей 15 стран ЕС (Бельгии, Дании, Германии, Греции, Испании, Франции, Ирландии, Италии, Люксембурга, Нидерландов, Австрии, Португалии, Финляндии, Швеции, Великобритании). На первых выборах XXI в. (2004 г.), когда членами ЕС стали ещё 10 европейских государств (Кипр, Чехия, Эстония, Венгрия, Латвия, Литва, Мальта, Словакия, Словения, Польша), средний показатель снизился до 44,2%. Пять лет спустя европарламентские выборы, в которых приняли участие ещё две страны – Болгария и Румыния, понизили явку до 42,97%. Ещё через пять лет, несмотря на то, что ЕС «прирос» новым членом – Хорватией, процент участников евровыборов достиг своего абсолютного минимума – 42,61%. В 2019 г. был зафиксирован никем не ожидавшийся всплеск электоральной активности – 50,9%, который, как и все предыдущие итоги, стал результатом и сугубо страновых, и общеевропейских событий⁴.

Статистика свидетельствовала о крайне незначительном интересе европейского электората к выборам в наднациональный орган законодательной власти. Развевалась иллюзия отцов – основателей ЕС о насущной потребности европейцев в такой конструкции, как Европейский парламент. Сопоставив явку на евровыборы с соответствующими процедурами странового масштаба – парламентскими, президентскими, региональными, в местные органы власти – убеждаешься в их «второстепенном» для европейцев значении. В абсолютном большинстве случаев уровень абсентеизма касался не менее половины возможных участников голосования. Между тем на парламентских и пре-

⁴ Источники на с. 14-17: www.euroobserver.com, 30.06.2004; <http://www.elections.com/2009-results/en/html>, 08.06.2009; <http://www.results-elections2014.eu/en/election-results-2014.html>; <https://election-results.eu/eurhout/0019.png>.

зидентских выборах явка, как правило, была на уровне 70-80%. Общий вывод здесь вполне очевиден. Европейцы пока не ощутили в должной мере свою ответственность за решения национального масштаба, делая, как и прежде, упор на более привычные им электоральные рычаги воздействия при формировании различных органов страновой власти.

Было бы, однако, неверно рассматривать абсентеизм европейцев исключительно с позиции среднестатистической «температуры по больнице». В первом приближении следует дифференцировать результат выборов 2004–2019 гг. по двум основным категориям членов союза – старожилам ЕС, условно обозначенным E15, и новичкам, пополнившим ряды ЕС в первом десятилетии XXI в. (E13).

Страна	2004	2009	2014	2019
Германия	43,0	43,2	48,1	61,3
Франция	42,8	40,6	42,4	50,1
Великобритания	41,2	34,7	35,6	36,9
Италия	66,8	66,4	57,2	54,5
Испания	49,0	44,8	43,8	60,7
Португалия	38,7	36,7	33,6	30,7
Греция	70,0	52,5	59,9	58,6
Бельгия	92,0	90,3	89,6	88,4
Нидерланды	39,1	38,7	37,3	41,9
Люксембург	92,1	90,7	85,5	84,2
Швеция	37,0	45,5	51,0	55,2
Дания	47,8	59,5	56,3	66,0
Финляндия	41,1	38,6	39,1	40,7
Австрия	41,8	45,9	45,3	59,8
Ирландия	61,0	58,6	52,4	49,7

Если в группе E15 исключить из перечня государств Бельгию и Люксембург, где явка на евровыборы является не только правом, но и обязанностью, то остальные старожилы Евросоюза могут быть распределены на несколько достаточно условных категорий. Очевидно, что ведущая роль в ЕС Германии и Франции способствует постоянному увеличению избирателей. В 2004–2019 гг. в Германии на 18,3 пункта, во Франции на 7,3. Схожие тенденции наблюдаются в Испании (+11,5), Дании (+18,2), Швеции (+18, 2) и Австрии (+18,0). Определённую электоральную устойчивость демонстрируют Нидерланды (+2,8). Финляндия находится уже в зоне минуса (-0,4). Более ощутимы электораль-

ные потери у Ирландии (-11,3), Греции (-12,6), и Италии (-12,3). Вопреки прогнозам за последние 15 лет не столь заметен спад активности избирателей в Великобритании (-4,3).

Картина в странах – новичках Евросоюза (Е13) выглядит более удручающе.

Страна	2004	2009	2014	2019
Венгрия	38,4	36,3	28,9	43,3
Чехия	28,0	28,2	18,2	28,7
Польша	20,4	24,5	23,8	45,6
Румыния	-	27,6	32,4	51,0
Болгария	-	38,9	35,8	32,6
Хорватия	-	-	25,2	29,8
Латвия	41,2	53,7	30,2	33,5
Литва	46,0	20,9	47,3	53,4
Эстония	26,7	43,9	36,5	37,6
Словения	28,3	28,3	24,5	28,8
Словакия	17,0	19,3	13,0	22,7
Кипр	71,2	59,4	43,9	44,9
Мальта	82,3	78,7	74,8	72,7

Наиболее благополучно здесь выглядят малочисленные Кипр и Мальта. Прирост числа голосовавших демонстрирует в период 2004–2019 гг. Венгрия (+4,9). Неожиданно ускорила Польша (+21,2). Став в последние годы объектами пристального внимания со стороны Евросоюза, власти обоих государств, видимо, смогли убедить в целом электорально вялое население в необходимости активной борьбы за суверенные интересы, представляемые в ЕП. Достаточно стабильно, по итогам всех четырёх выборов начала XXI в., выглядит Чехия (+ 0,7), но в целом её электоральные показатели по региональным меркам весьма средние. Её соседка – Словакия вообще в самом хвосте электорального тренда, лишь на последних выборах перейдя границу 20% результата. Недалеко ушла от неё Болгария, постоянно снижающая показатели явки (-6,3), на рубеж 30% участия в евровыборах не вышла пока Хорватия. Не достигла этой отметки и её соседка Словения, показав на трёх из четырёх выборов XXI в. результат, немного превышающий 28%. С другой стороны, впечатляет прирост явки у Румынии, достигший в 2019 г. вполне средневропейского уровня – 51,0%, уступив пальму первенства в регионе только Литве – 53,4%. У других прибалтийских

стран результаты по общесовским параметрам весьма средние. Если Эстония подходит к рубежу 40%, то Латвия чуть-чуть преодолевает 30% отметку. Укажем, что в 2009 г. обе страны неплохо смотрелись по категории «явка» (43,9 и 53,7%).

Неожиданное для многих повышение явки на последних (2019 г.) выборах в ЕП не отменяет, а лишь несколько корректирует тезис о вялотекущем абсентеизме европейцев. Как видно из таблиц явки по категориям E15 и E13, новички избирательных компаний так и не приблизились к показателям старожилов, у них обозначился лишь некоторый рост (в разных странах по-разному) электоральной активности, связанный не столько с общеевропейскими проблемами, сколько с процессом реформирования партийно-политических систем в собственных странах. Конечно, нельзя не отметить повышение интереса к темам, которые выглядят более общеевропейскими, чем сугубо национальными (иммиграция, преодоление долгового и финансового кризиса). В отличие от первых лет пребывания в ЕС, население новичков стало ощущать, что проблемы, казавшиеся ещё совсем недавно сугубо национальными, решаются и на высшем европейском уровне.

В странах – старожилах ЕС к этим обстоятельствам добавилась и резко повысившаяся ответственность лидеров таких государств, как ФРГ и Франция, за решение глобальных международных проблем, где свою роль играют такие гранды современного мира, как США, Китай, Россия. Именно лидерам ведущих европейских держав пришлось «разруливать» важнейшие есовские дела – брекзит и фронду ряда восточноевропейских стран. Именно по Западной Европе ударил на полную мощь миграционный кризис середины второго десятилетия нового века. Очевидна и сопричастность лидеров ЕС к событиям на Украине. Определённую роль в мобилизации электоральных возможностей западноевропейцев сыграл и приход к власти в США Д. Трампа, его плохо скрываемый антиевропеизм, навязывание Старому Свету политических стандартов заокеанского производства. Всё это сделало многих европейцев участниками процесса выборов в ЕП, ранее казавшихся им малозначимыми. Если к этому добавить темы энергетики и климата, которым пре-

зидент США давал иное, чем европейцы, толкование, то повышение явки, прежде всего, в ключевых странах ЕС, становится ещё более объяснимым.

Мобилизирующим фактором в новом формате международных отношений стали политические партии, резко активизировавшие в процессе последних выборов свою пропагандистскую деятельность, особенно в социальных сетях, различных вариациях интернета. Традиционный для части избирателей евроскептицизм постепенно смещался от недоверия к Евросоюзу и структурам евровласти к необходимости совершенствования несущих основ Старого Света. Всё это стимулировало европейцев к большему, чем прежде, участию в формировании наднациональных органов законодательной и исполнительной власти. Вполне естественно, на первый план выдвигалось не просто голосование, а выбор тех субъектов политики, которые могли бы влиять на изменение к лучшему ситуации в странах Европейского союза.

1.4. Партии в документах наднациональных европейских структур

Расширение состава стран – участниц ЕС поставило перед руководством этой организации задачу более чёткого, чем прежде, определения дефиниции «политическая партия» и целого комплекса вопросов, связанных с функционированием партий как основной постоянно функционирующей силы ЕС. В самой общей форме эта тема была изложена в «Хартии Европейского союза об основных правах», принятой в Ницце 7 декабря 2000 г. ключевыми органами власти союза – Парламентом, советом и комиссией. В ст. 12 «Свобода собраний и свобода объединений» говорилось о праве граждан ЕС на свободу объединения в сфере политической жизни, причём её п. 2 обозначал партийный компонент этого процесса. «Политические партии» на уровне союза способствуют выражению политической воли граждан союза⁵.

В первом десятилетии XXI в. тема политических партий неоднократно обсуждалась и фиксировалась в как документах ЕС (см. Лиссабонский договор), так и в рекомендациях институтов

⁵ Международные избирательные стандарты. Сб. документов / отв. ред. А.А. Вешняков. М.: Весь мир, 2004. С. 742.

более широкого общекионтинентального масштаба. Здесь в первую очередь следует указать на текст Венекианской комиссии Совета Европы «За правовую демократию», принятую в октябре 2010 г. В этом документе детально определено не только само понятие «политическая партия», но и параметры этой структуры, а также её основные права. Излагались руководящие принципы правового регулирования деятельности политических партий, их участия в избирательном процессе, правила внутрипартийной жизни, вопросы финансирования, а также системы надзора над деятельностью партий.

Параграфы 9 и 10 детально раскрывали значение этого института в широком общеевропейском контексте. Политические партии, по мнению Венекианской комиссии, «...это добровольное объединение лиц, одной из задач которого является участие в управлении государственными делами, в том числе путём выдвижения кандидатур на свободных демократических выборах». Партии, как записано в документе, «...представляют собой коллективную платформу для реализации основных прав личности на объединение и свободу выражения мнений». Партиям даётся и более свободная трактовка как основного инструмента участия граждан в политической жизни и важного элемента формирования «информированного и активного электората». Подчёркнута и такая функция партий: они являются связующим звеном «между исполнительной и законодательной ветвями власти»⁶.

Хотя создание и деятельность политических партий должны быть, согласно предлагаемому документу, «...насколько это возможно, свободными от регулирования», тем не менее Венекианская декларация 2010 г. указывает на некоторые императивные компоненты в их деятельности. В частности, они обязаны соблюдать принцип отказа от насилия не только документально, но и на практике, действовать строго в рамках национальных конституций. Внутрипартийная жизнь должна соответствовать принципам гендерного равенства и свободы выражения мнений. Отметим п. 62: «В целом внутрипартийная жизнь должна

⁶ Международные избирательные стандарты. Сб. документов и материалов. Вып. третий / отв. ред. В.И. Лысенко. М.: ЦИК РФ, 2013. С. 139, 140.

быть ограждена от вмешательства государства. Она лучше всего регулируется уставом партии или добровольным кодексом поведения, разработанным и принятым самой партией»⁷. Для регистрации партий в странах ЕС также не ставится никаких барьеров. Ограничения появляются лишь в процессе участия партий в выборах, если они не получили той минимальной поддержки, которая предписана соответствующими законодательными актами. Однако и непрохождение делегируемых партией кандидатов через фильтры минимальной поддержки не даёт властям право ставить под сомнение существование партии как таковой.

Особое место в процессе конституционного регулирования деятельности партий занимает тема их запрета или роспуска. В специальном разделе Венецианской декларации такие меры рассматриваются как исключительные, связанные с антиконституционными поступками тех или иных партий, угрожающих демократическим принципам государства и общества. При этом декларация в п. 93 специально указывает: «Сам по себе факт того, что политическая партия выступает за ненасильственное изменение конституционного строя, недостаточен для оправдания её запрета или роспуска. Партии должны иметь возможность содействовать внесению изменений в законодательство, а также в правовую или конституционную систему государства при условии, что используемые при этом средства законны и совместимы с основными демократическими принципами».

Следующий п. 94 определяет отношение европейского права к личной ответственности членов партий за антиконституционные действия. Считается, что партия как целое не должна отвечать за такое поведение её членов, если они не были поддержаны всей организацией. Кроме того, если Устав партии отделяет мнение отдельных членов от партии как таковой, то роспуск партии не допустим. Европейское право также не допускает образование партий чисто этнического, расового или религиозного толка.

Документы Венецианской комиссии декабря 1999 г. и октября 2010 г. характеризовали роль и место партий в европей-

⁷ Там же. С. 151.

ском политическом пространстве. Договор о Европейском союзе от февраля 1992 г. и уточнивший его Лиссабонский договор определили их роль и место в конкретных органах законодательной власти ЕС. Прежде всего, определяется понятие «политическая фракция» и «политическая группа», создаваемые не по национальной или национально-территориальной принадлежности, а на основе совместных политических интересов. Договор о ЕС подчёркивает, что транснациональные объединения, создаваемые на европейском уровне («европартии»), являются важным фактором интеграции внутри союза, должны служить выражению политической воли граждан ЕС⁸.

Тема партийной транснациональности охватывает как критерии численности соответствующих субъектов жизнедеятельности Европарламента, так и его странового представительства. До последнего времени, когда в связи с брекзитом число членов ЕС сократилось до 27, во фракции должны были быть представлены не менее 7 стран союза. При этом минимальное количество депутатов, необходимое для создания межстранового партийного субъекта, составляло 25. Поскольку, как показывает практика двух десятилетий XXI в., членство в этих конструкциях не обязывало соответствующих депутатов голосовать солидарно, то случаи исчезновения или переформатирования групп имеют место в жизни ЕП. Однако стимулом сохранения этих конструкций является и система финансирования групповых членов ЕП, и большие возможности для квотирования мест в различных европарламентских инстанциях, их активное участие в пленарных и комитетских заседаниях ЕП, других процедурных вопросах. Отметим, что в легислатуре избранного в 2019 г. ЕП лишь 7,6% депутатского корпуса входили в категорию «независимых». Организационная фрагментация депутатов не отразилась пока на регламенте выборов. Они не предполагают перехода к «транснациональным спискам». Отчасти это вполне естественно, ибо в ЕС нет пока единого институционального механизма проведения выборов. В каждой стране своё законодательство, опирающееся на стандартную избирательную пропорциональную систему. Электоральный барьер определя-

⁸ Европейское право. С. 194.

ется по-разному, но в пределах 5%. В одних странах выборы в ЕП проводятся по национальным партийным спискам, в других по отдельным кандидатурам в рейтинговом режиме.

1.5. Новый век – новые дефиниции

Система представительной демократии с момента её становления в последней трети XIX в. сделала эту форму законодательной и исполнительной власти предметом не только политических действий и дискуссий, но и объектом научного анализа. Если в первом случае речь шла, прежде всего, о самоидентификации претендентов на власть, то во втором имела место попытка классификации партий исходя из определённых критериев. Здесь приоритетами были их социальная ориентация, зависимый от этого комплекс идейно-теоретических установок, но главное – практические действия тех или иных субъектов политики. На рубеже XIX–XX вв. сложилось двучленное партийное пространство Европы, ориентированное на отношение к сложившейся системе политической власти. Просистемными были монархические, консервативные и либеральные партии, хотя по многим вопросам соперничавшие друг с другом прежде всего потому, что они по-разному видели место во власти для представляемого ими предпринимательского класса. Основной умеренно антисистемной силой считались социал-демократы, отстаивавшие интересы обретавшего политическую мускулатуру рабочего движения. Но и здесь обозначились два направления. Первое – реформистское, рассчитывающее на постепенный переход от капиталистической к социалистической системе политической и экономической власти. Второе – революционное, придерживавшееся методов насильственной смены власти, не вярвавшее в возможность мирного «врастания» в социализм.

После Октябрьской революции в России коммунисты, наследники революционных марксистских идей и практики большевизма, пытались, в основном безуспешно, укорениться на европейском политическом ландшафте. В просистемном лагере произошёл раскол, связанный с итогами Первой мировой войны. Резко возросла активность националистов фашистского толка, которых не устраивали ни итоги минувшей войны, ни советский эксперимент.

Разгром фашистской Германии и последующее устранение с политического ландшафта Европы авторитарно-диктаторских режимов в южной её части создали в Старом Свете новую ситуацию. К просистемному лагерю консерваторов, демохристиан и либералов присоединилась в своём большинстве прежде антикапиталистическая социал-демократия. Основной антисистемной силой стали коммунисты, которые к концу 80-х гг. XX в. постепенно перешли на левосоциалистические и еврокоммунистические позиции. Новыми игроками западноевропейской политики стали партии экологического толка, в большинстве своём также занявшие места в левом спектре Европы. Не исчезли и националисты, отбросившие внешние элементы тоталитарно-фашистского толка, но сохранившие тенденцию изоляционистского национализма. Именно они увидели в сформировавшемся интернациональном, по сути, Евросоюзе своего антагониста.

К концу XX в. в Европе сложилась общественная система, которую можно условно обозначить как социализированный капитализм – триединство социальной рыночной экономики, социального государства и социально-политического партнёрства. Мотором развития экономики были главным образом традиционные правые просистемные партии: консерваторы, демохристиане, либералы. Традиционные левые социал-демократы, окончательно отказавшиеся от своей первородной антисистемности, были сторонниками преобразований в социальной сфере. Правовое государство складывалось совместными усилиями и правых, и левых, в большинстве случаев коалиционно, реже однопартийно. Обе ведущие силы Европы формировали партнёрские институты, стремившиеся решать классовые противоречия в рамках переговорного процесса. Всё это, вполне естественно, встречало сопротивление со стороны флангов европейской политики – крайне правых, прежде всего националистов, и крайне левых – партий прокоммунистической ориентации. Последние всё более дифференцировались на «верных принципам» наследников почившей в бозе КПСС и «еврокоммунистов». В редчайших случаях они могли краткосрочно занять незначительные позиции в органах законодательной и исполнительной власти таких стран, как Франция, Финляндия, Португалия, Италия.

Националистам же вплоть до начала нового тысячелетия не удавалось даже гипотетически приблизиться к реальным властным структурам.

На рубеже нового тысячелетия традиционные структурные единицы европейской политики утратили многие родовые черты, свойственные им в прошлом. Схема левые – правые как самоидентификация основных политических игроков не вполне себя исчерпала, ибо сохранились идеологические различия и политическая конкуренция. Однако на практике всё заметнее проявляется превращение осевых партий истеблишмента как левой, так и правой ориентации, в организации, добывающиеся электоральной поддержки, апеллируя к различным социальным слоям и группам. В большинстве европейских государств уменьшилось число базовых избирателей, тех, кто всегда и при всех условиях участвует в выборах и голосует за свои политические партии. С другой стороны, численно возросла категория ситуационного электората, перемещающегося, в зависимости от обстоятельств, от одного коалиционного партнёра – правого или левого толка – к другому. Активен и протестный электорат, сориентированный как на традиционную оппозицию, так и на новые протестные движения, не вписывающиеся в привычную партийную схему. В этих условиях большее влияние приобрели партии политической альтернативы – националисты-изоляционисты различных оттенков, социал-популисты, а также далеко не однородные регионал-сепаратисты. Они предлагают избирателю иные, чем креатура истеблишмента, пути решения актуальных общеевропейских проблем. Промежуточное положение между двумя основными группами партий заняли экологические партии и движения, критикующие систему социализированного капитализма за пренебрежение к охране среды обитания, но готовые соучаствовать во власти с партийным истеблишментом, а в редких случаях идущие на временные союзы с «альтернативщиками».

Новая ситуация, сложившаяся в Европе в первые два десятилетия XXI в., ставит перед научной средой вопросы поискового плана. Как справедливо отмечает И.С. Семененко, «первостепенной исследовательской задачей является... актуализация

понятий, которые традиционно, и зачастую прямолинейно используются сегодня в научном и политическом дискурсе»⁹. Одно из них – «популизм», произвольно, на наш взгляд, переносимое на категорию партий политической альтернативы.

В целом популизм, скорее, не характерная черта определённой группы партий, а политический стиль упрощённого диалога с электоратом, который в той или иной мере используется всеми игроками на партийном пространстве Европы. При этом «партии истеблишмента» прибегают к нему реже, чем «альтернативщики», ибо они берут на себя ответственность не только за решения текущих политических проблем, но и за выработку стратегических установок. Темы, освоенные партиями политической альтернативы, – увеличение прозрачности в принятии политических решений, снижение бюрократических препон при их принятии, борьба с бедностью и преступностью – всё более вписываются в политическую стилистику партий, занимающих ведущие позиции в Евросоюзе.

Наряду с термином «популизм», научно не более обоснованным выглядит ставшее сегодня традиционным определение «партии евроскептиков». Основные проблемы начала нынешнего века мало кому дают оптимистические надежды. Сегодня можно весьма условно говорить о еврореалистах, сохранивших веру в положительные решения европейского проекта. Более терминологически устойчив «евроизоляционизм», делающий упор на первоочередные решения именно страновых проблем в противовес выработке общеевропейских стратегических решений. При этом тезис о ненужности ЕС как такового прослеживается лишь у маргинальных партийных групп, не играющих существенной роли в общеевропейском раскладе политических сил.

Как синоним, скорее, политического стиля, а не принадлежности к определённой политической категории, можно рассматривать и термин «евроцентризм». Он не обозначает каких-либо чётких идейно-политических установок. По своей сути это способ партнёрских политических действий, охватывающий прак-

⁹ Семененко И.С. Идентичность в повестке дня евровыборов // Выборы в Европарламент-2019 / под ред. Ю.Д. Квашнина и др. М.: ИМЭМО РАН, ИЕ РАН, 2019. С. 15.

тически все партии, попадающие в орбиту власти в различных как национальных, так и общесоевских структурах. Европоцентризм можно оценивать и как тактику «партий истеблишмента», создающих, насколько это возможно, препоны для вхождения во власть радикальных сил из кругов «политической альтернативы». Все упомянутые конструкции прошли в начале нового века обкатку как на национальном, так и на общеевропейском уровне. Наиболее выпукло они обозначились в «партийных семьях» Евросоюза.

ГЛАВА 2. «ПАРТИЙНЫЕ СЕМЬИ» ЕВРОПЕЙСКОГО ИСТЕБЛИШМЕНТА

Фрагментация Европейского парламента на различающиеся как по своим идейно-политическим установкам, так и по численности фракции (группы) является лишь внешним контуром современной многопартийной системы ЕС. При её анализе необходимо учитывать разновеликий опыт игроков в европейской политике. В одних случаях речь идёт о более чем столетней истории существования национального партийного поля, в других отсчёт ведётся со времён окончания Второй мировой войны. Здесь мы можем выделить, прежде всего, западноевропейский регион. Что касается стран Восточной Европы и Балкан (к ним можно прибавить и страны Балтии), то здесь отсчёт реальной многопартийности, с учётом национальных исключений межвоенного периода, вписывается лишь в последние 30 с небольшим лет. Отметим, что даже в благополучных с точки зрения эволюционного развития многопартийности странах в период активизации тоталитаризма, как до, так и во время Второй мировой войны, партийная жизнь либо полностью прекращалась, либо продолжалась в весьма ограниченных условиях подполья и эмиграции. Все эти и многие другие обстоятельства внутристранового и общеконтинентального значения следует учитывать, говоря о «партийных семьях» начала XXI в. Последние существуют в современной Европе и в виде традиционных межстрановых объединений – «европартий», составляющих костяк фракционной разбивки ЕП. Но она в реальности не исключает при-

общение к фракции и партий, не присягающих на верность идейно-политическим доктринам соответствующей «партийной семьи».

2.1. Демохристиане и консерваторы в правой политической культуре

Понятие «политическая культура» имеет ряд оттенков, охватывающих ценностные установки определённых категорий населения Старого Света. Её правый спектр традиционно связывает воедино как прагматиков рыночной экономики, так и тех, кто сохраняет в своих убеждениях основные моральные принципы и христианскую этику. В результате на одном поле оказались как приверженцы католицизма, так и протестанты, как представители разных географических регионов Западной Европы, так и партии правого толка из восточно-европейской части континента. В итоге группа в ЕП получила на рубеже веков название Европейская народная партия – европейские демократы (ЕНП–ЕД). Она стала парламентской частью созданного ещё в 1976 г. объединения «Европейская народная партия», позиционировавшая себя межстрановым партийным объединением христианских демократов и либеральных консерваторов.

Но как показала практика политической жизни, даже собравшись воедино, эти правые партии не стали полными единомышленниками в оценке путей развития интеграции, в понимании ценностных установок, связанных с ситуационными процессами в тех или иных странах. В отдельных и весьма невторостепенных вопросах жизнедеятельности ЕС национальные интересы и ценностные ориентиры оказались важнее общей стратегии. И выход на рубеже первого и второго десятилетия из ЕНП–ЕД британских консерваторов, и такой же путь, проделанный венгерским ФИДЕС в начале третьего десятилетия, не считая более мелких потерь в рядах еврогруппы правых, симптоматичны. Они свидетельствовали, что общность их идейно-политических установок недостаточна для сохранения стабильного представительства правых в ЕП. Тем не менее в общепартийном раскладе сил «народники», хотя и с определёнными потерями, сохраняют численное превосходство в сравнении с другими фракциями Европейского парламента. Итоговые результаты выбо-

ров в ЕП 1999–2019 гг. подтверждают этот вывод.

В первых трёх legislatures нового тысячелетия на выборах их поддерживали более 37% избирателей. В 2014 г. этот показатель понизился до 28,7%, а в 2019 г. – до 24,2%. Спад в какой-то степени говорил об общем ухудшении позиций партий европейского истеблишмента, хотя непосредственно он был связан с выходом из фракции после евровыборов 2009 г. британских консерваторов, образовавших собственный сегмент в правом лагере ЕП, названный «Европейские консерваторы и реформисты» (ЕКР). Кроме британцев в новую фракцию перешла из ЕНП–ЕД лишь «Гражданская демократическая партия» Чехии¹⁰. Отметим, что в дальнейшем фракция восстановила своё прежнее название – ЕНП.

«Народники» постоянно занимали среди других фракций ЕП первое место как по проценту суммарно получаемых голосов, так и по числу своих парламентских представителей. На некотором расстоянии от неё находились вечно вторые социал-демократы и либералы, иногда уступавшие третью позицию национал-консерваторам из ЕКР, настроенным критически к Евросоюзу в его нынешнем виде. Речь шла не столько о евроинтеграции как таковой, сколько о формах и методах её реализации. Фракция ЕНП не только самая многочисленная, но и наиболее географически разнообразная среди других политических экспонентов ЕП. За редким исключением в её рядах представлены практически все страны – члены ЕС. Большинство из этих партий либо правящие, главным образом коалиционно, либо сильнейшие в оппозиционном лагере. По числу национальных депутатов первое место постоянно принадлежит блоку немецких партий ХДС/ХСС. Следом за ним с некоторым численным отставанием шли польская «Гражданская платформа», испанская «Народная партия», «Союз за народное движение» Франции, «Вперёд, Италия». Постоянно устойчивые позиции во фракции ЕНП занимали консерваторы (демохристиане) Австрии, Болгарии, Греции, Ирландии, Нидерландов, Португалии, Румынии, Финляндии, Хорватии, по большей части находившиеся у вла-

¹⁰ URL: www.parties-and-elections.de.2004; <https://www.elections2014>; 2019 Europe – an election results (<https://www.election.results.eu>).

сти последние 20 лет.

Идейно-теоретический багаж ЕНП является совокупностью как ценностных категорий, так и мировоззренческих позиций, тесно связанных с реалиями современного мира. Отметим, что фракция в основном руководствуется программными установками своей головной организации – Европейской народной партии, регулярно проводящей свои съезды в столицах Старого Света. «Народники» стремятся увязать традиционные установки с их современным толкованием, облекая религиозные принципы в одежды консервативного прагматизма. Однако во многих случаях этот политический прагматизм вытесняет идеологию прошлых лет. Свою роль в таком сложном, а во многом и противоречивом процессе играют общественные объединения, тесно связанные с религиозными кругами многих европейских государств. В целом кооперация деятелей церкви и политиков консервативно-демохристианского лагеря постоянно испытывает на себе определённую несовместимость многих религиозных постулатов гуманного свойства с подчас антигуманным прагматизмом иерархов европейской правой политической жизни. Электорально этот конфликт подчас приводит к размыванию рядов сторонников правых, их уходу в основном в лагерь националистических и сепаратистски ориентированных избирателей. С другой стороны, всё более характерная для правых всеядность позволяет пополнять их лагерь из среды избирателей, традиционно ориентировавшихся на другие политические группы правого лагеря, прежде всего из либеральных кругов. Здесь скрепой является не только непоколебимая верность модернизации социальной рыночной экономики, но и постулаты «единой Европы», при абсолютном признании федерализма и её демократических институтов. В основном работающим выглядит и ключевой организационный принцип ЕНП, в котором сочетается как принятие самостоятельных партийных решений в любой из стран ЕС, так и диалог в процессе выработки единой общеевропейской позиции. В канун XXI в., когда процесс присоединения к основателям союза ещё 13 стран-кандидатов стал необратимым, надфракционное объединение правых – Европейская Народная партия – провела ряд заседаний, на которых опреде-

лила свои ближайшие стратегические цели. Общий фон не был благоприятным для «народников». На рубеже веков у власти оказались их политические союзники – оппоненты из социал-демократического лагеря, прежде всего в таких ключевых странах ЕС, как Германия, Франция, Великобритания, Испания и, традиционно, в скандинавских государствах. Поэтому на брюссельском съезде ЕНП (февраль 1999 г.) в принятой «Повестке дня 2000» содержались тезисы, призванные отобразить у социал-демократов их реформаторские приоритеты.

В этой программе было без обиняков заявлено, что в процессе расширения ЕС «необходима реформа европейских институтов, финансирования, общей аграрной политики и создание структурного фонда». Упор делался и на неизбежность сохранения национальной идентичности, образа жизни, культуры, на вполне естественные в процессе расширения ЕС региональные, политические и социальные различия. Чрезвычайно важным в «Повестке дня 2000» было положение о сокращении вмешательства государства, создании макроэкономических условий для рынка. Экономическая политика должна координироваться с учётом как общеевропейских, так и страновых особенностей. Декларировалась субсидиарность в вопросах занятости, социального обеспечения¹¹.

Следующим этапом программного обновления стал документ ЕНП «Союз единых ценностей», принятый на съезде этой организации в Берлине в январе 2001 г. Его появление было связано с развернувшимися в ЕС дебатами о европейской Конституции в канун окончательного присоединения к союзу десятка новых государств. Эти ценности трактовались не столько в философско-идеологическом, сколько в практико-политическом контексте. Они ориентировали членов ЕНП на учёт личностных особенностей современного европейца, прежде всего в социальной, экономической и материальной сферах. Важным в «Берлинском заявлении», принятом вместе с вышеуказанной программой и подготовленном совместно ЕНП и её фракцией в Европейском парламенте, стала провозглашённая концепция Ев-

¹¹ Консервативные и либеральные партии западноевропейских стран. М.: ИНИОН РАН, 2007. С. 56, 57.

ропейской конституции. Последняя должна не только зафиксировать распределение компетенций, но также включить в себя Хартию основных прав, порядок функционирования европейских институтов власти. «Необходимо уточнить взаимоотношения европейских институтов – парламента, совета, комиссии, трибунала. Это – наряду с распределением компетенции между союзом и его членами – фундамент европейской демократии»¹².

В конце следующего 2002 г. ЕНП продолжила поиск ответов на вопросы, возникшие в ходе общеевропейских дебатов по поводу новой Конституции. На съезде в португальском Эшториа-ле (октябрь) был принят документ «Конституция для сильной Европы», разработанный комиссией, возглавлявшейся видными христианскими демократами Европы – бельгийцем В. Мартенсом и немцем В. Шойбле. Во введении подчёркивалось, что ЕНП – «первая европейская партия, представившая чёткую концепцию будущей европейской Конституции».¹³ Поскольку Конвентом, разрабатывавшим Конституцию, учреждённым весной 2000 г., руководил бывший президент Франции, известный либерал В. Жискара Д'Эстен, ЕНП явно хотела застолбить приоритет собственного вклада в документ стратегического значения. Для работы в Конвенте была создана специальная группа, которую возглавил Э. Брок, представитель немецких демохристиан.

Конституционные проблемы не заслоняли текущей политической работы, связанной с назначенными на июль 2004 г. выборами в Европейский парламент. Поэтому собравшиеся в феврале 2004 г. в Брюсселе делегаты очередного съезда ЕНП сосредоточились на определении в «Программе действий 2004–2009» конкретных задач, стоящих перед «народниками» в следующей легислатуре Европарламента. Отметим, что этот документ имел подзаголовок «Приоритеты группы ЕНП на 2004–2009 годы». В нём по главам фиксировались следующие темы: «динамичная, конкурентоспособная, солидарная и создающая рабочие места экономика; ответ на потребности граждан в безопасности»; «постоянное развитие»; «европейская молодёжная политика»; «Европа и её место в мире»; «сильное руководство

¹² Там же. С. 58-59.

¹³ Там же. С. 59.

– сильная Европа». Не были забыты в программе и ценностные ориентиры ЕНП. Подчёркивалось особое значение человеческого достоинства, культурных и этических ценностей. Приоритетами «народников» на предстоящий законодательный период назывались обеспечение рабочих мест и доходов граждан, их здоровья и безопасности, сохранение среды обитания, улучшение структуры управления экономикой, снижение налогов на предпринимателей.

«Программа действий 2004–2009» интересна тем, что в ней была предпринята попытка разделить наднациональную политику в рамках ЕС и её сугубо национальные варианты. «Многие предпочтения, – говорилось в «Программе», – находятся в компетенции национальных или же региональных правительств. Мы учитываем, что параллельно с выборами в Европарламент во многих государствах состоятся национальные и региональные выборы. Национальная политика значительно лучше координируется на европейском уровне, когда все члены ЕНП, на каких бы этапах политической власти в своих странах они ни находились, придерживаются этих программных линий»¹⁴. Обратило на себя внимание и отсутствие в программе, ориентированной на выборы в ЕП в июне 2004 г., какого-либо упоминания о Европейской конституции. Учитывая серьёзные разногласия в Конвенте относительно положений основополагающего документа ЕС, правые политические силы Европы явно не хотели подставляться, не будучи уверенными, что жискаровский вариант Конституции получит поддержку при его рассмотрении на парламентском и внепарламентском уровне. В конечном итоге так оно и произошло на референдумах 2005 г. во Франции, Нидерландах, а годом позже в Ирландии. Отметим, что в окончательный текст Лиссабонского договора не было включено спорное положение о «христианских ценностях» Европы, которое входило в противоречие с тезисом о мультикультурности и мультиконфессиональности расширившего свои границы Евросоюза.

2.2. Либералы: роль и место в Евросоюзе

Конец первого десятилетия нового века обозначил не толь-

¹⁴ Там же. С. 61.

ко труднореализуемый общеевропейский проект, задуманный ещё в конце века минувшего, но и текущие проблемы, ставшие камнем преткновения для политиков всего правого лагеря. Череда кризисных явлений, начавшихся с финансовых потрясений 2008 г., определила вектор поисков политических решений, требовавших не только индивидуально-странового, но и общеевропейского согласования. Этот путь, как показывает практика, ещё более сблизил ранее формально дистанцировавшиеся друг от друга родственные идейно-политические лагеря евроконсерваторов и либералов. Для лучшего понимания этого неоднозначного процесса следует рассмотреть эволюцию европейского политического либерализма.

Если в XIX в. либерализм дал решающий импульс к проведению реформ как в системе политической власти, так и в социально-экономической сфере, то в XX в. он постепенно утрачивал свои новаторские функции. Сдвиги в социальной структуре постиндустриального общества резко сузили границы городских средних слоёв и фермерства – традиционного электорального резервуара либералов. Поддерживавшая исторически либералов буржуазия всё более симпатизировала политическим экспонентам консерватизма и христианской демократии. В результате во второй половине XX в. либеральные партии в лучшем случае могли претендовать на место младших партнёров в правительственных коалициях с «народными» партиями в Великобритании, Германии, Франции, Италии. Партии либерального толка не смогли закрепиться ни в политической жизни стран, освободившихся в 1970-е гг. от авторитарных режимов (Испания, Португалия, Греция), ни в большинстве восточноевропейских государств, сбросивших оковы «реального социализма». В свой актив либералы смогли записать лишь сохранившуюся в результате обстоятельств объективного и субъективного свойства заметную роль в малых странах Европы – в Скандинавии и зоне Бенилюкса. Неприятным для либералов исключением стала Австрия, где консервативные силы ещё в довоенный период фактически поглотили зачатки национал-либерализма. Отметим всё же, что вне Евросоюза устойчивость партий либерального толка была отмечена и в соседней Швейцарии, и в северном сег-

менте континента – в Норвегии.

Причина позиционного отступления либерализма заключалась прежде всего в том, что в условиях послевоенной Европы он был политически размыт активностью не только родственного либералам консерватизма, но и соперничавшей с ним социал-демократии. В первом случае торжествовал неолиберализм, модифицировавший в консервативно-демохристианских кругах традиционные либеральные ценности во благо чисто экономическим потребностям правящих классов. Во втором, особенно в период становления Евросоюза, расцвёл пышным цветом социал-либерализм, приспособивший часть исторического наследия либералов к потребностям реформаторского «третьего пути» социал-демократов. Отметим, что социал-либерализм на короткое время отвоевал часть электоральных позиций у неолибералов, что наглядно подтвердили национальные и европарламентские выборы конца прошлого и начала нынешнего столетия.

Доктрины либерализма, не пройдя процесс модернизации в собственном движении на общеевропейском и национальном уровнях, проиграли как неоконсерваторам, так и социал-демократам в сфере чисто политических общеевропейских реформ. При этом важные начинания в ЕС инициировались видными либералами. Проваленная в 2005 г. на референдумах во Франции и Нидерландах Конституция создавалась в рамках уже упоминавшегося Конвента под руководством «духовного отца» послевоенного европейского либерализма бывшего президента Франции Валери Жискар Д'Эстена. Отметим, что парламентарии большинства государств ЕС отнеслись к жискаровской новации более благосклонно, что, однако, не избавило лидеров союза от необходимости найти в Лиссабонском договоре новый вариант главного документа ЕС. Существенный удар по престижу либералов нанесла и печальная судьба «директивы Балкенстайна», предлагавшей новым членам Евросоюза и странам Восточной и Юго-Восточной Европы пользоваться европейским рынком труда вне сложившихся в нём правил социальной защиты наёмных работников. Успешный нидерландский политик оказался неудачливым европейским реформатором. Справедливости ради следует сказать, что и клерикальная часть правого лагеря

также не смогла в важных документах начала XXI в. отразить свойственные ей мотивы. Так, из уже упоминавшегося жискаровского варианта Конституции после острых дискуссий было исключено положение о «христианских ценностях» Европы, которое, по разумению многих политиков, осложняло интеграцию в ЕС стран любой иной конфессиональной ориентации, препятствуя привлечению в экономику союза рабочей силы из стран Ближнего Востока и Северной Африки.

Проигрывая неоконсерваторам на идейно-политическом фронте, европейские либералы отставали от них и в организации. Вплоть до начала 90-х гг. прошлого века у них, в отличие от конкурентов из консервативного и социал-демократического лагерей, не было реального политического центра. Слабым эквивалентом ему являлись встречи лидеров либеральных партий, не дававшие на общеевропейском уровне какого-либо консолидированного ответа на возникавшие общие континентальные и международные проблемы. Лишь в 1993 г. создаётся европартия «Альянс либералов и демократов за Европу» (АЛДЕ), а вскоре и одноимённая фракция в ЕП. На выборах в ЕП 1995–1999 гг. либералы предложили довольно невразумительную программу действий, которая, судя по результатам, не принесла им ощутимых электоральных дивидендов. К выборам 2004 г. Альянс подошёл более серьёзно, выпустив манифест «Освобождённый потенциал Европы» и программу, пафосно названную «Новая расширенная Европа, открытая гражданам и миру». Либеральное видение Европы было крайне оптимистичным и не содержало даже намёка на возможные трудности. Исходя из традиционных либеральных доктрин, АЛДЕ призвал к максимальной диверсификации государственной власти на всех уровнях европейской политики. Постулировалось повсеместное содействие развитию частной инициативы, усиление либерализации внутреннего рынка. Сам ЕС должен стать ещё более открытым как для других европейских нечленов союза, так и для неевропейских стран, включая США, Китай, Японию.

Выборы в Европейский парламент 1999–2009 гг. показали, что АЛДЕ стабильно занимал в общеевропейском марафоне третье место после «народников» и социал-демократов, соби-

рая в континентальном зачёте от 8 до 11% голосов европейского электората. Эти цифры свидетельствовали об ограниченных возможностях либералов влиять на решение текущих проблем. В тоже время совпадение с «народниками» по целому ряду социально-экономических вопросов, а также практика коалиционного сотрудничества с ними во многих европейских государствах, не позволяли сбрасывать либералов со счетов при решении задач, поставленных на повестку дня начавшегося в 2008 г. в Европе многостороннего кризиса экономики и финансов.

2.3. Антикризисная стратегия и тактика правых

Финансово-экономический кризис вынудил партии правой политической культуры к срочному поиску путей выхода из неблагоприятной ситуации. Было очевидно ослабление темпов экономического роста, возрастание рецессии, не исключая и более серьёзных последствий для всего европейского хозяйственного организма. Отметим, что в начале второго десятилетия XXI в. консервативно-либеральный лагерь доминировал, опираясь на выборы в национальные парламенты в основных странах-членах ЕС. В Испании единолично правили консерваторы. К ним принадлежал и премьер-министр Португалии. В Великобритании и Германии они были на первых ролях в двухпартийных (вместе с либералами) кабинетах министров. Консерваторы возглавляли коалиционные правительства Нидерландов, Швеции, Финляндии, Люксембурга и Ирландии. До середины 2012 г. консерваторами были первые лица Франции и Италии, причём в последней они организовали коалицию с местными национал-сепаратистами из «Лиги Севера». Представители консервативных демохристианских и либеральных политических партий оказались востребованы и в восточноевропейских регионах Старого Света. В средиземноморской части они сохранили лидерские позиции в Греции и на Кипре.

Национальные варианты антикризисной стратегии, естественно, не были тождественны. Так, в Германии правительство ХДС/ХСС – СвДП осуществляло меры по стимулированию внутреннего спроса, занятости, регулированию уровня заработной платы, развитию социальной политики. Во Франции кабинет Н. Саркози делал упор на меры государственного дирижирова-

ния, не отказываясь от ограниченной поддержки малоимущих слоёв населения, главным образом безработных. В Великобритании блок консерваторов и либерал-демократов шёл по пути сочетания жёсткой финансовой и мягкой монетарной политики. Неизбежное в условиях кризиса сокращение занятости отчасти покрывалось повышением финансирования со стороны государства систем профессиональной подготовки. С другой стороны, «британский путь» предусматривал сокращение в бюджете статей, касавшихся помощи безработным, многодетным семьям, пенсионного обеспечения. Правительство Д. Кэмерона, реализуя свою «программу роста» (2011 г.) предполагало уменьшение роли государства в хозяйственной жизни, меры по стимулированию частного сектора и повсеместную реализацию технологического прорыва.

В Скандинавии в годы кризиса сложился своеобразный вариант антикризисной политики – сочетание жёстких мер при укоренившейся в этом регионе разветвлённой системе «социального государства». В частности, находившаяся у власти в Швеции до осени 2012 г. коалиция консерваторов, либералов и христианских демократов попыталась сбалансировать свою ориентацию на национальный бизнес с материальной поддержкой остальной и весьма значительной части шведского общества. В рамках этой системы «британский вариант» решения проблем безработицы (уменьшение пособий при государственном стимулировании системы профобразования) не исключал увеличения пособий многодетным семьям, снижения налогов на пенсии. Одновременно шведское правительство требовало от профсоюзов повысить взносы в фонд поддержки безработных.

В Дании в 2008–2011 гг. либералами и консерваторами был реализован план, основной упор в котором также сделан на стимулирование бизнеса. Отметим, что в определённых пределах эти партии правого фланга Дании затронули и некоторые элементы «социального государства», заморозив, в частности, семейные пособия, пойдя на сокращение пособия по безработице и расходов на поддержку малоимущих. Сходные решения были приняты правящим консервативно-либеральным большинством в Нидерландах и Люксембурге.

Решение социальных и материальных проблем находившихся во главе правительств консерваторами и либералами в определённой степени зависело от их партнёров по коалиции ещё более правого толка. Так, национал-сепаратисты из итальянской «Лиги Севера» способствовали усилению антииммиграционного компонента в законодательстве правительства С. Берлускони. Тот же аспект прослеживался в курсе нидерландской коалиции либералов и демохристиан, которую неформально поддерживала находившаяся на электоральном подъёме националистическая Партия Свободы Г. Вилдерса.

Особенностью антикризисной политики правых сил Европы было их активное участие в спасении экономик стран Средиземноморья, прежде всего Греции. Укажем, что А. Меркель и Н. Саркози, при всех отличиях в подходе к ряду конкретных вопросов помощи Греции, выступили в роли инициаторов срочного оживления этого самого слабого звена зоны евро путём установления жёсткого контроля внешних кредиторов над греческими финансами. Именно Германия и Франция, по существу, починили национальные экономики южного фланга Европы директивам таких наднациональных структур, как Еврокомиссия, ЕЦБ и МВФ.

Свои особенности преодоления кризиса были и у находившихся тогда у власти консерваторов в Испании и Португалии. Спецификой португальского варианта, осуществлявшегося коалицией консерваторов (СДП) и христианских демократов (НП), при контроле со стороны вышеуказанных наднациональных структур, стала широкая приватизация государственных предприятий. Одновременно были сокращены взносы предпринимателей в фонд социального обеспечения, снижены налоги на бизнес, проведена либерализация цен на электричество, передан в частные руки ряд крупных общенациональных банков, повышен налог на добавленную стоимость. Португальский вариант выхода из кризиса, правда, без формальной зависимости от рекомендаций кредиторов, осуществлялся и в Испании. Придя к власти в ноябре 2011 г., правительство Народной партии во главе с М. Рахоем пошло на болезненную для трудящихся реформу рынка труда. Сокращались выходные пособия, пересматривалась си-

стема заключения коллективных договоров, уменьшилось государственное финансирование высшего образования. К очередным выборам в Европарламент, назначенным на май 2014 г., ситуация с кризисом была настолько острой, что основные политические силы Европы сделали эту тему приоритетной в своих программных обращениях к избирателям. Укажем, что в программах к предыдущему общеевропейскому волеизъявлению 2009 г. тема кризиса не выглядела заглавной. Теперь же правый спектр европейской политики должен был не просто зафиксировать те или иные теоретически положения, но и сбалансировать их с реальной ситуацией, особенно в странах, где демохристиане, консерваторы и либералы находились у власти.

В Манифесте ЕНП категорически отрицалось, что истоки финансово-экономического кризиса коренились в самой природе Евросоюза. Согласно этому документу, в кризисные годы правительствам под руководством входящих в ЕНП партий «...удалось не допустить ухудшения дел, сохранив единство еврозоны и заложив основу для выхода из непростой ситуации»¹⁵. По мнению «народников», антикризисные меры должны стать общей задачей для всех стран ЕС. Изоляционизм здесь недопустим. В тоже время подчёркивалось, что союз не должен быть главным регулятором; многое в странах ЕС должно решаться самостоятельно.

Свой нюанс в оценке кризиса был и у либералов. Они ратовали за политику в рамках единого европейского рынка, за устранение национальных барьеров и чрезмерной зарегулированности экономик, за трансатлантическое сотрудничество. Важным объектом антикризисной программы либералов был малый и средний бизнес. Оба политических течения Евросоюза выступали за преодоление безработицы, создание новых рабочих мест.

Больше совпадений, чем различий, было у «народников» и либералов в вопросах финансовой и банковской политики. ЕНП утверждала, что, благодаря их усилиям, была преодолена наиболее острая фаза банковского кризиса 2008–2009 гг. Оба течения были едины в том, что евро представляет собой надёжную валюту, и предлагали формирование на базе ЕС единого бан-

¹⁵ URL: <http://dublin2014.epp.eu> (дата обращения 14.08.2017).

ковского союза. Совпадение позиций прослеживалось и по вопросам, связанным с миграционными проблемами. При этом «народники» чётко разделяли понятия свободы передвижения внутри ЕС и тему иммиграции извне. Первое являлось для них очевидным достижением, второе порождало проблемы. Ставился вопрос о безопасности внешних границ ЕС, которым угрожает поток нелегалов. Предполагалось усилить пограничные службы Евросоюза. Однако, считали в ЕНП, союз должен быть открыт для жертв политических и религиозных репрессий. Схожей была позиция у европейских либералов, которые увязали тему миграции с концепцией прав человека. Они предлагали реформировать систему приёма беженцев. «Мы, – констатировала АЛДЕ, – хотим видеть Европу, открытую для идей и талантов тех, кто способен внести свой вклад в экономику ЕС». В перспективе либералы хотели бы видеть союз более прозрачным и менее бюрократичным. Они выступали за переосмысление механизма распределения полномочий между ЕП и национальными парламентами¹⁶.

2.4. Принципиальное и конъюнктурное в правой политике

События как в Европе, так и вне Старого Света свидетельствовали о продолжении и дальнейшем развитии кризисной ситуации. В ней причудливым образом сочетались континентальные и глобальные проблемы, чисто экономические и военно-политические сюжеты, страновые и геополитические неувязки. Рецепты, выписанные в консервативно-либеральном лагере ЕС в канун майских 2014 г. выборов в ЕП, не возымели должного электорального эффекта, потери разного масштаба понесли и «народники» (-8,8%), и либералы (-1,6%). Одним из важнейших факторов, ослабившим электоральный потенциал дуэта традиционных правых, стало появление в европейском в партийном сегменте парламентской группы «Европейские консерваторы и реформаторы» (ЕКР), которую возглавили британские консерваторы. Появление этой группы не стало неожиданностью, ибо ещё в 2006 г. Д. Кэмерон объявил о выходе его партии из ЕНП–

¹⁶ URL: <http://www.aldeparty.eu/events/european-elections2014> (дата обращения 14.08.2017).

ЕД. После выборов 2009 г. фракция ЕКР стала реальностью, хотя в её составе, кроме британцев и чешской ГДП, обосновались не традиционные правые, а партии прежде всего националистического толка. Очевидно, что голоса правого британского электората перешли как к консерваторам, так и к руководимой Н. Фараджем национал-изоляционистской Партии независимости Соединённого Королевства – лидеру группы «Европа за свободу и демократию».

В явно ослабленном составе консерваторам, демохристианам и либералам пришлось в легислатуре 2014–2019 гг. столкнуться с целым комплексом ранее только намечавшихся проблем. Среди них главными в европейском масштабе были миграционные волны 2015–2016 гг., начало процесса выхода Великобритании из ЕС (брекзит), сохранение неустойчивости в финансовой и экономической сферах. Вне Европы безусловным вызовом правым стало избрание осенью 2016 г. Д. Трампа на пост президента США. Последний, в отличие от своих предшественников (как демократов, так и республиканцев) занял явно антиевропейскую позицию. В экономическом плане осложнились отношения с Китаем, а в военно-политическом – с Россией. Украинский кризис, связанный с «революцией Майдана» и возвращением Крыма в состав РФ, с войной в Донбассе, явно смешали карты традиционной консервативно-либеральной внешней политики. Всё это, вполне естественно, вызвало подвижки на партийно-политическом пространстве Евросоюза. Намечалась смена лидеров в лагере христианских демократов и консерваторов, ибо ушли с политической арены такие яркие фигуры первого десятилетия, как француз Н. Саркози и итальянец С. Берлускони. В конце второго десятилетия объявила о своей скорой отставке канцлер Германии А. Меркель. Весьма неожиданно, после президентских выборов 2017 г., во Франции возникла фигура Э. Макрона, создавшего буквально на пустом месте партию «Вперёд, Республика!», объявившую себя либеральной. Это приращение к либеральному лагерю не компенсировало потерю правыми итальянского политического поля, где обосновались социал-популисты (ДСЗ) и националисты («Лига»). Восточноевропейский сегмент также не сулил традиционным пра-

вым оптимизма. Здесь регионал-национализм в клерикальном (Польша) и в светском (Венгрия) вариантах вступил в острую конфронтацию с лидерами европейских правых, не соглашавшихся на уступки «новым европейцам» в вопросах права и гражданских свобод.

Помимо президентских и последовавших за ними парламентских выборов во Франции обращали на себя внимание и электоральные события в соседней Германии, где парламентские выборы 2017 г. хотя и сохранили коалицию ХДС/ХСС и СДПГ, но не укрепили позиции партии А. Меркель и не вернули во власть либералов из СвДП. В Великобритании как референдум 2016 г. брекзите, так очередные 2015 г. и досрочные 2019 г. выборы в Палату общин усилили позиции консерваторов, новым лидером которых после Д. Кэмерона и Т. Мэй стал экстравагантный Б. Джонсон. Либерал-демократы не смогли сохранить свой политический капитал, покинув после 2015г. коалиционный кабинет. В этих условиях, когда ни уходившая из ЕС Британия, ни сохранявшая свои лидирующие позиции Германия, не могли предложить европейскому правому лагерю устойчивых политических лидеров, инициатива перешла к Франции, где ставший либералом Э. Макрон развил активную деятельность обновителя находившегося в кризисном состоянии Евросоюза.

Свой «европейский проект» Макрон стал озвучивать ещё в период президентской кампании начала 2017 г. Еврореализм «нового либерала» базировался на необходимости увязки сугубо национальных проблем с общеевропейскими, с желанием сделать Францию политическим лидером ЕС. Ведя острую полемику сразу на двух фронтах – внутри Евросоюза и в политической жизни своей страны – Макрон выдвинул концепцию нового суверенитета, когда борьба за обновлённую Европу должна дополнять решение собственных французских проблем. Сделать это нельзя лишь полагаясь на национальные силы, без постоянной кооперации с континентальным истеблишментом. Речь шла об обороне, экономике и финансах, устойчивом развитии, экологии, некоторых других вопросах континентальной и глобальной политики. Важной новацией в «плане Макрона» было предложение о специальном бюджете для еврозоны, кото-

рый укрепил бы экономику с помощью инвестиций и антикризисного регулирования.

Реакция на инициативы Макрона была разноплановой. Если внутри Франции её активно критиковала М. Ле Пен с позиций свойственного ей евроизоляционизма, то в ЕС увидели в предложениях президента Франции стремление за столбить за своей страной роль нового европейского лидера. Неслучайно, что А. Меркель, узрев в новациях Макрона определённый антигерманский сюжет, не спешила ответить на французское предложение. В конечном итоге план Макрона был отложен в ЕС в долгий ящик, хотя электорально он явно шёл на пользу президенту Франции. Созданное с колёс движение «Вперёд, Республика!» не только добилось ощутимого успеха на выборах в ЕП в мае 2019 г., но и возглавило либеральную фракцию Европарламента. Весьма символично, что её название больше не было созвучно с АЛДЕ, а именовалось теперь в духе макроновских новаций – «Обновить Европу».

Отметим, что многие европейские либералы, согласившись на смену вывески, не поддержали основные концепции «плана Макрона». Его главным оппонентом в их рядах стал премьер-министр Нидерландов М. Рютте. Он открыто выступил против стратегических новаций Макрона, полагая, что ЕС ещё не выработал окончательно прежний политический и экономический ресурс. Рютте попытался привлечь на свою сторону ряд стран Северной Европы, создав так называемую «ганзейскую лигу», которая в специальном заявлении оппонировала планам нового либерала, полагая, что следует, прежде всего, консолидировать уже существующие структуры Евросоюза.

Роль европейского лидера Макрон попытался, и не без успеха, сыграть при выборах нового главы Еврокомиссии. Хотя сам принцип «главного кандидата» от победившей партии не был поставлен под сомнение, тем более кандидата – политика самой многочисленной и экономически самой сильной европейской страны, однако в персональном вопросе Макрон продемонстрировал свою политическую энергию. Его явно не устраивала кандидатура М. Вебера, поддержанная А. Меркель. Макрон не считал его значимым авторитетом европейского масштаба. В борь-

бе за персональное обновление руководства Евросоюза Макрон даже выдвигал собственного альтернативного кандидата – главного переговорщика по теме брекзита – француза М. Барнье. Компромиссом стала замена Вебера на более приемлемую для француза У. фон дер Ляйен, имевшую тоже далеко не европейского масштаба опыт руководства Министерством обороны ФРГ.

Определённое напряжение, возникшее в правом лагере Европы в связи с появлением нового либерала Э. Макрона, было лишь частью проблем этого сегмента европейской политики. Главным, конечно же, стал брекзит, не только разделивший экономику континента, но и выведший за рамки традиционного консервативного течения его старейшего участника – британских консерваторов. Менее заметным, но всё же ощутимым был конфликт с членом ЕНП венгерской партией «ФИДЕС», которая не хотела во всех случаях следовать общеевропейским принципам права и морали. Как показали выборы в ЕП 2019 г., электоральный приоритет «народников» сохранился, однако теперь либералы стали не просто возможным, но и уже необходимым элементом в формировании властных структур Европейского союза. Прошлая, существовавшая с 1979 г. связка ЕНП с социал-демократами, могла сохраниться лишь при активном участии третьей силы. Её лидер Э. Макрон, с учётом размежевания с Б. Джонсоном и прогнозируемым уходом из большой политики А. Меркель, становился главной фигурой переформированного правого лагеря.

Представительство ЕНП–ЕД и АЛДЕ/ОЕ
в Европейском парламенте в 1999–2019 гг.*

Название фракции	1999	2004	2009	2014	2019
Европейская народная партия – европейские демократы	37,1	37,7	37,0	28,7	24,2
Альянс либералов и демократов за Европу / Обновление Европы	8,1	9,0	7,0	11,4	14,3

* Учитывается доля фракций в членском составе ЕП на день проведения выборов. Цифры в процентах от общего числа депутатов¹⁷.

¹⁷ Европейский парламент. Проблемы и перспективы. М.: «Огни», 2004. С. 203; Выборы в Европарламент-2014. Итоги и перспективы. М.: «Ключ», 2014. С. 32; Выборы в Европарламент-2019. М.: ИМЭМО РАН, ИЕ РАН, 2019. С. 28; Как выигрывают выборы в США, Великобритании и ЕС: Аанализ политических технологий / под ред. Е. Минченко. М.: ООО «Паблис», 2015. С. 97.

2.5. Социал-демократическая составляющая европейского истеблишмента

Идейно-политическая близость, а во многих случаях и совпадение позиций партий правого спектра европейской политики, не гарантировало им монополии в органах законодательной и исполнительной власти Европейского союза. И здесь естественным партнёром для них были социал-демократы, исторически сотрудничавшие прежде всего с консерваторами-демохристианами в правительственных коалициях западноевропейских государств. Результаты выборов в ЕП 1999–2019 гг. свидетельствовали, что только триумвират указанных партийных образований мог обеспечить поступательное движение ЕС¹⁸.

Фракция	1999	2004	2009	2014	2019
Прогрессивный альянс социалистов и демократов (ПАСД)*	28,8	27,5	26,0	25,4	20,5

* в процентах к общему числу депутатов ЕП.

Сопоставив эту таблицу с предыдущей, отражающей представительство ЕНП–ЕД и АЛДЕ/ОЕ, можно констатировать, что до последних выборов 2019 г. именно связка «народников» и социал-демократов, функционировавшая в основных западноевропейских государствах, могла без оглядки на другие фракции и группы ЕП определять вектор европейской политики. В теории это было возможно, однако практически бывали ситуации, когда голосов двух фракций в ЕП не хватало как при выборах в высшие органы законодательной власти, так и при проведении через парламент резолюций принципиального характера. У «народников» и социал-демократов не было гарантий, что депутаты будут дисциплинированно следовать мнению партийного руководства. Хотя последние выборы в ЕП сформировали властный триумвират («народники», либералы, социал-демократы), однако и в период легислатуры первых двух десятилетий XXI в. либералы были страховочным поясом европейской «большой коалиции». В какой-то мере поддержку ей от случая к случаю оказывала фракция «зелёных». Последние, будучи близкими социал-демократам в вопросах социальной политики, серьёзно расходились с правым крылом истеблишмента по широкому кругу

¹⁸ Там же.

экологических проблем.

Говоря о социал-демократии нового века, нельзя, хотя бы бегло, не упомянуть процесс её развития после окончания Второй мировой войны. Последовательное укрепление политических позиций социал-демократов в большинстве западноевропейских государств логически вытекало из реформаторских действий по защите социальных и материальных интересов малообеспеченных слоёв населения, учёта интересов численно увеличивавшегося «среднего класса». Именно социал-демократия стала одним из столпов «социального государства» – системы гарантий для тех, кто нуждался в поддержке своих запросов различного рода, далеко не реализованных в прошлом. В нём социал-демократы видели стержневой элемент властной структуры, способной обеспечить защиту интересов своего электората в рамках переговорного процесса с политическим представительством класса частных собственников.

Самоликвидация системы «реального социализма», смена знаковых ориентиров в международных делах, комплекс проблем, порождённых глобализацией, – всё это потребовало от социал-демократии поиска новых ориентиров, способных не только сохранить, но и приумножить их влияние на европейский электорат.

Это отчасти удалось не только благодаря инерции прошлых заслуг. В плюс им шла гибкая реакция на крах «реального социализма», заметный вклад в становление Евросоюза. Позитивными для имиджа реформаторов были в основном умелые шаги в деле регулирования экономики, которую ещё не охватил кризис, ярко проявившийся в начале XXI в.

Рубеж веков стал временем поиска адекватной задачам развивавшейся интеграции идейно политической базы, создания некой теоретической конструкции, способной, аккумулируя социал-реформизм прошлых десятилетий, придать ему новое звучание. Тем более что конец прошлого века стал знаковым в истории социал-демократии. Её лидеры заняли, как выяснилось позже, на короткое время ведущие позиции в европейской политике. Они возглавили правительства ФРГ, Великобритании, Франции, Австрии, Нидерландов, скандинавских государств, прибли-

зились на максимальное расстояние к вершинам властной пирамиды в южном подбрюшье Старого Света.

Инициаторами создания новой формулы общественного развития стали Т. Блэр и Г. Шрёдер. В 1995 г. они вынесли на обсуждение общественности документ «Европа: третий путь, новая середина». По существу, речь шла об очередном этапе поиска оптимального объединения социал-демократических ценностей и прагматического либерализма. Делалась попытка найти «золотую середину» между бесспорной для социал-демократии рыночной экономикой и её традиционной реформаторской приверженностью интересам малоимущих слоёв населения. Рынок должен был, как полагали главы правительств ФРГ и Великобритании, органически вписаться в социальное государство. В электоральном отношении «третий путь» предлагал завоевание поддержки со стороны предпринимательского класса Европы без утраты доверия классического электората социал-демократии.

Новация вызвала в кругах социал-демократии неоднозначную реакцию. «Третий путь» был поддержан уже хорошо вписавшимися в истеблишмент лидерами партий – членов Социал-демократической партии Швеции, Нидерландов, Австрии, но не был поддержан реформаторской элитой южного фланга европейских государств. Классический ответ дал премьер-министр Франции Л. Жоспен. По его словам, недопустимо, чтобы рыночная экономика сформировала рыночное общество. Лидер ФСП полагал, что страны европейского Средиземноморья, включая Францию, не готовы отдать на откуп рынку социальные и демократические завоевания, ставшие естественной частью их повседневности. В полемике, развернувшейся как на страницах социал-демократической прессы, так и во время официальных саммитов социал-демократии Европы, Жоспена поддержали единомышленники с южного фланга Евросоюза.

Дискуссия не столько идейно-теоретического, сколько практического характера, проходила в период активной интеграции в традиционный социал-демократический лагерь устремившихся к ним неопитов из бывшего «социалистического блока». Некоторые из них – в Венгрии, Польше, Чехии, Словакии, Румынии, Болгарии – сходу заняли верхние этажи власти, возглавив

или же соучаствуя в местных правительствах. Им, как оказалось, социал-либерализм Блэра и Шрёдера был ближе, чем социалистическим оппонентам с юга Европы. Те в практической деятельности готовы были сотрудничать с местными коммунистами и другими силами, стоявшими левее традиционной социал-демократии, в отличие от восточноевропейских неофитов реформизма. Найти какой-то взаимоприемлемый синтез таких разноплановых позиций была призвана относительно новая наднациональная структура – Партия европейских социалистов (ПЕС), под эгидой которой социал-демократы шли на выборы в ЕП с середины 1990-х гг.

В основополагающем программном документе ПЕС (ноябрь 1992 г.) «Европа – наше общее будущее» открыто критиковался прагматический подход правых сил, уповавших на возможность экономического развития континента при разных скоростях – для стран – основателей ЕС и для новичков этой организации. Главным принципом социал-демократии называлась солидарность и поддержка стран, стремившихся вступить в ЕС. Подчёркивалась важность решения на континенте социальных задач. «Без социального пространства единый рынок будет несовершенен... Необходимо создавать условия для равноправия, экономической демократии и социального сближения. Нельзя допустить, чтобы наиболее уязвимые слои расплачивались за экономический спад»¹⁹. Программа также постулировала приоритет экологических ценностей. Социал-демократия без обиняков приветствовала вхождение в ЕС восточноевропейских стран, их скорейшую интеграцию в общее евросоюзное пространство.

В последующем ПЕС неоднократно обсуждала на своих заседаниях актуальные сюжеты складывавшейся европейской ситуации. Постоянно в решениях ПЕС присутствовали темы обеспечения занятости, введения евро как общеевропейской валюты, энергетической безопасности, укрепления общеевропейских институтов власти. В 2004 г. в центре внимания оказалась Конституция Евросоюза. За год до этого ПЕС опубликовал специальный доклад о работе Конвента, занимавшегося подготовкой её окончательного варианта. Последний, как мы знаем, так и не

¹⁹ Европа – наше общее будущее. М., 1993. С.73, 74.

был реализован из-за провала референдумов 2005 г. во Франции и Нидерландах.

Однако главной тактической задачей ПЕС была подготовка к очередным выборам в ЕП. Опубликованный в конце этого важного общеевропейского события Манифест, пафосно названный «Вместе мы становимся сильнее», отметил ряд приоритетных целей, которые ставили перед собой европейские социал-демократы. Основным для ПЕС было поддержание экономического роста, а также борьба с бедностью и безработицей. Для этого следовало отчислять на решение этих проблем до 1,27% ВВП союза. Также говорилось о реформировании европейской валютной политики, выпуске дополнительных еврозаймов, переориентации фондов ЕС на создание рабочих мест, сохранении высокого качества и доступности государственных услуг, создании условий для привлечения женщин на рынок труда²⁰.

2.6. Социал-демократия и выборы в «эру кризиса»

Социал-демократические документы начала XXI в. ориентировали партии, входившие в ПЕС, на достаточно стабильное бытие в европейском интеграционном пространстве. Выборы в ЕП 2004 г. хотя и не добавили социал-демократам политического веса, но и не сулили им каких-либо серьёзных испытаний. Однако последние были не за горами, что и подтвердил финансово-экономический кризис осени 2008 г. К этому времени покинули свои государственные посты фавориты рубежа веков Т. Блэр, Г. Шрёдер, К. Сорса, Л. Жоспен. Фигур, равнозначных прежним лидерам Австрии, Швеции, Дании, Нидерландов, у европейских социал-демократов не было. Пытались по-новому сорганизоваться социалистическо-социал-демократические течения Италии. Противоречивым выглядел и процесс персональной идентификации социал-демократов в странах бывшего «социалистического лагеря». Итогом этого периода поисков стала опеределённая утрата реформаторами роли лидера европейских политических процессов. К осени 2008 г. представители партий, входивших в ПЕС, возглавляли 8 из 27 государств Евросоюза.

Парламентские выборы середины первого десятилетия нель-

²⁰ Европейский парламент. Проблемы и перспективы / отв. ред. В.Я. Швейцер. М.: Огни, 2004. С. 82.

зя назвать успешными для социал-демократической части европейского истеблишмента. Электоральный цикл лишь подтвердил эту тенденцию как в общеевропейском, так и в страновом зачёте. Самым досадным для социал-демократов стал почти повсеместный проигрыш основным политическим противникам – демохристианам и консерваторам. Особенно это было заметно там, где левые в период прошлой избирательной кампании находились у власти. Так, в Португалии они, по итогам выборов в ЕП 2009 г., уступили правому лагерю 13,4%, в Великобритании – 12%, в Испании – 3,7%. В Австрии потери выразились цифрой 5,9%, в соседней Германии разрыв с ХДС/ХСС оказался просто катастрофическим – 17,1%. Соседние страны – Люксембург (-12,4%), Нидерланды (-7,8%), Бельгия (-7,7%) – лишь подтвердили общую тенденцию. Но и там, где социал-демократы занимали скамьи оппозиции, потери были весьма ощутимы. Во Франции проигрыш консерваторам равнялся 11,2%, в Италии – 8,4%, Финляндии – 5,7%. Исключением здесь стали лишь греческие европарламентские выборы (+4,4%). В Дании и Швеции социал-демократы также обошли правых (+8,2% и +1,1% соответственно). Однако здесь исторически их основными противниками были либералы. В Ирландии местные лейбористы несколько опередили либералов (+2,5%), однако вчистую проиграли консерваторам (-15,2%)²¹.

Вирус поражения довлел и над результатами социал-демократов стран – новичков ЕС. Венгерские социалисты утратили по сравнению с 2004 г. 39% электората. Недалеко ушли от них и польские коллеги (-33,2%). В соседней Чехии, где социал-демократия в начале посткоммунистического периода была явным фаворитом многих выборов, она утратила 9% электората. Не лучше обстояли дела у болгарских социалистов, отставших от консерваторов из ГЕРБ на 7,3%. В схожих цифрах выглядел разрыв в Словении (-8,5%). В странах Балтии диспозиция между местными членами ПЕС и консерваторами также была не в пользу левых – в Латвии 27,2%, в Эстонии – 8,5%, в Литве – 6,7%²².

«Общеевропейский неуд», полученный социал-демократи-

²¹ URL: <http://www.elections.com/2009-results.en.html>, 08.06.2009.

²² Ibid.

ей ЕС на экзаменах июня 2009 г., вытекал прежде всего из реальной оценки избирателями практических действий левых в новой кризисной ситуации. Однако нельзя было сбрасывать со счетов и программную неготовность реформаторов к новому, явно неожиданному для них повороту событий. Ещё за два года до финансово-экономических потрясений VII съезд ПЕС (Порту, 7-8 декабря 2006 г.) принял вполне оптимистическую декларацию, где традиционно акцентировались приоритеты социал-демократии в сфере занятости, социальной политики, экологии, решения энергетических проблем. Никакой тревоги не было замечено и в документах, принятых социал-демократами летом 2008 г. Этот вывод напрашивается при анализе Заявления XXIII конгресса СИ в Афинах. Правда, первые осенние раскаты «финансового грома» заставили Президиум Социинтерна опубликовать 26 сентября 2008 г. специальное заявление по глобальному финансовому кризису. Манифест ПЕС к выборам в июне также тревожно сообщал европейской общественности мнение социал-демократов о намечавшихся неурядицах.

Какие же оценки новой ситуации дали социал-демократы? Пафосно звучала констатация о «смене эпох», когда приоритет должен быть отдан интересам людей. В самых общих словах говорилось о «перезагрузке экономики», об «альтернативной системе рыночных отношений», о «приоритете социально-экономических и демократических ценностей». В Манифесте ПЕС, приуроченном к началу избирательной кампании в ЕП, был сделан упор на различие в подходе к кризису социал-демократов и консерваторов. Консервативному приспособлению к рынку противопоставлялся неконкретизированный путь реформирования всего хозяйственного организма западной экономики. Однако, как и в прошлом, надежды возлагались на государственную поддержку социальной сферы и регулирование рынка, стимулирование научно-технического прогресса и экологического подхода к экономике. В финансовых вопросах дело не пошло дальше упований на жёсткий государственный контроль над хедж-фондами и ограничение масштабов задолженности. Социал-демократы предлагали перейти к управлению финансовыми рисками²³.

²³ Актуальная социал-демократия в XXI веке /под ред. В.Н. Шевченко. М.:

В Манифесте ПЕС была предпринята попытка совместить чисто прагматические послы с традиционной социал-демократической риторикой. Раздел II этого документа обращал внимание на терминологический нюанс в социал-демократическом видении ближайших перспектив. Вместо «демократического социализма», под эгидой которого социал-демократия развивала свою политическую деятельность во второй половине XX в., предлагалась теоретическая новинка – «новый социализм». Эта доктрина для начавшегося тысячелетия исходила из борьбы за «справедливое соблюдение прав граждан независимо от их положения и места рождения». Авторы Манифеста намеревались «строить новый социализм в Европе в тесном взаимодействии с профсоюзами», на основе демократических принципов в правовом государстве²⁴.

Как объяснялось в документе, «новый социализм» измерялся в основном количественными показателями. Самым популярным здесь было слово «более» – более справедливый, более безопасное общество, более тесное сотрудничество в Европе, более активные меры в экономике. В разных глагольных формах воспроизводились и практические шаги социал-демократии: предлагаем, можем, намерены, будем.

В легислатурный период (2009–2014 гг.) социал-демократы в сравнении с партиями консервативно-демохристианского лагеря понесли в электоральном плане меньшие потери. Если по итогам майских выборов в ЕП 2014 г. «народники» ослабили свою фракцию на 8,8% депутатских мест, то потери ПАСД были явно скромнее (-1,4%). Отметим, что с этой цифрой были вполне сопоставимы электоральные утраты либералов (-1,55%). В то же время в целом ряде стран разрыв в депутатских евро-мандатах социал-демократов и «народников» возрос в пользу последних. В Германии счёт выражался в цифрах 34:27; во Франции 20:13, в Польше 23:5, в Венгрии 12:4, в Испании 17:14. Лишь в Италии местные члены фракции ПАСД, возглавляемые новым лидером Демократической партии М. Ренци, могли празд-

Ключ, 2009. С. 182-185.

²⁴ Предвыборный манифест Партии европейских социалистов (ПЕС) / под ред. Б.П. Гуселетова. М.: Ключ-С, 2009. С. 16-17.

новать успех (31:17), сопоставимый с положительными результатами «народников» в вышеназванных государствах. В остальных странах преимущество партий обоих блоков было малозначительным. В Дании, Швеции, Румынии, Португалии несколько депутатских мест добавили себе члены ПАСД, в таких же параметрах усилились «народники» в Болгарии, Греции, Ирландии, Люксембурге, Словакии, Финляндии, Хорватии, Чехии²⁵.

Оценить эти результаты можно, прежде всего, учитывая положение соответствующих партий во властных структурах кризисного периода. Там, где социал-демократы находились в оппозиции, их потери были минимальны. Более того, их результаты в Великобритании и Италии улучшились именно из-за формальной непричастности к рычагам исполнительной власти. Наоборот, бремя правительственной ответственности испытали на себе социалисты Греции и Испании. СДПГ, как младший партнёр ХДС/ХСС, понесла некоторые потери с учётом удачной правительственной политики партий правого лагеря. С другой стороны, в соседней Франции стагнация экономики, рост безработицы, налоговые проблемы явно ударили по престижу правящих социалистов.

Голоса протестного электората переместились с правого на крайне правый фланг политического ландшафта Франции. В Польше, где социально-экономическая ситуация оставалась относительно благоприятной, а разлад в рядах местной социал-демократии был очевидным, их провал выглядел вполне предсказуемым.

Хотя главными для избирателей были итоги правительственной политики партий, вышедших на старт новых выборов в ЕП, однако и их программные установки также оказывали влияние на электоральные результаты. Тем более что тема кризиса была по-своему прописана во всех документах европартий, обнародованных в последний предвыборный период. Социал-демократы в Манифесте 2014 г. были весьма критичны к политике своих соперников, хотя в целом ряде стран они оставались одновременно их коалиционными партнёрами. Было чётко заявлено: «При правлении правых Европа превратилась в терри-

²⁵ URL: <http://www.results-elections2014.eu/en/election-results-2014.html>.

торию страха и жёсткой экономии». В результате бедные стали ещё беднее, а тройка опекунов должников из стран Южной Европы (ЕС, ЕЦБ, МВФ) не смогла изменить ситуацию. Социал-демократы сделали вывод: «ЕС должен измениться, его надо реформировать». Целью движения в этом направлении провозглашался паритет между экономическими свободами и социальными правами европейцев. «Европейские граждане... должны иметь возможность полноправного демократического участия и контроля за процессом принятия решений в Евросоюзе... Также необходимо заметное усиление роли Европарламента»²⁶.

Конкретизируя свои предложения, социал-демократы вписывали в концепцию «социально-ориентированной экономики» поддержку малых и средних предпринимателей, создание новых рабочих мест, повышение занятости среди молодого поколения и женщин. В Манифесте к выборам-2014 в специальном разделе «Зелёная Европа» фиксировалась ставшая для них традиционной тема экологических приоритетов. В сфере финансов социал-демократы высказались за координацию усилий на европейском уровне, за жёсткий контроль над бюджетами стран – членов ЕС, за создание общеевропейского банковского союза. Не обошли социал-демократы и тему миграции. Наряду со свободой перемещения трудовых ресурсов в странах ЕС необходима скоординированная общеевропейская политика в миграционном вопросе. «Нам нужна эффективная интеграция и политика участия, мы должны оказывать помощь странам, из которых прибывают мигранты. Следует усилить борьбу с торговлей людьми»²⁷.

Между тем череда событий середины – конца второго десятилетия XXI в. показала, что вся партийно-политическая система Евросоюза оказалась не готова ни к масштабному притоку иммигрантов, ни к уровню безработицы, во многих странах более значительному, чем прежде, ни к невозможности решать в одночасье финансовые проблемы зоны евро. Не мог быть в деталях просчитан и брекзит, хотя первые симптомы отмежевания Британии от Евросоюза обозначились ещё в начале века. В меж-

²⁶ URL: <http://socialistinfo.ru/socialXXI/2686.html>.

²⁷ Ibid.

дународном плане не был предсказуем «украинский кризис» с его последствиями для всего каркаса международных отношений. Наконец, практически никто не ожидал, что вместо лояльных в целом к Европе американских политиков, как демократов, так и республиканцев, к власти в США придёт Д. Трамп с его непредсказуемыми действиями в сфере мировой политики и экономики, включая и знаковый для него антиевропеизм.

Всё это сказалось и на электоральном процессе в ключевых странах Старого Света. Причём социал-демократия понесла потери более ощутимые, чем правая часть политического истеблишмента. В ФРГ выборы в Бундестаг 2017 г. свидетельствовали не только о потерях обеих правящих партий – ХДС/ХСС и СДПГ, но о явном провале именно социал-демократии, собравшей лишь 20% электоральных голосов – худший результат за всю послевоенную историю Германии. В 2017 г. политическим разгромом для французских социалистов оказались очередные и президентские, и парламентские выборы. В том же году в Великобритании, находившейся под впечатлением начавшегося после референдума 2016 г. брекзита, его непоследовательные противники – лейбористы, проиграли, хотя и немного (около 2,5% электората) своим основным соперникам – консерваторам. По вполне естественным причинам (греческий долг) были электорально отстранены от власти греческие социалисты из ПАСОК, что привело к атомизации партии. Вновь, как и в начале века, оказались не у кормила социал-демократы Австрии. Зоной практически сплошных неудач для местных членов ПЕС стала Восточная Европа и Западные Балканы, а также страны Балтии. Относительно устойчивыми остались позиции социал-демократии в скандинавских странах, хотя и здесь результаты парламентских выборов не были для них особенно позитивными. То же самое наблюдалось и в странах Бенилюкса: ни в Бельгии, ни в Люксембурге, ни в Нидерландах местные реформаторы не вошли в правительственные коалиции. Электорально успешными стали парламентские выборы конца второго десятилетия XXI в. для южноевропейских социалистов Испании, Португалии, Италии. Здесь они оказались сильнее своих традиционных консервативных соперников. Однако возглавленные ими коалиции с

партиями лево-социалистического и социал-популистского толка не выглядели ни стабильными, ни долговечными.

В условиях европейской и международной политико-экономической турбулентности, учитывая в целом неблагоприятный электоральный фон, социал-демократы попытались дать ответы на вопросы, поставленные реалиями межвыборного периода. Причём сделали они это ещё за полгода до выборов в ЕП, на очередном съезде ПЕС 7-8 декабря 2018 г. в Лиссабоне. Особенностью политических резолюций, принятых в столице Португалии, был уход от конкретики, но широкий спектр весьма абстрактных, хотя во многом справедливых, с точки зрения социал-демократического электората, положений. Был сделан акцент на необходимость совмещения экономической динамики и социальных гарантий для граждан. Тема «социальной Европы» вообще была заглавной в лиссабонских резолюциях. Полемизируя с консервативным истеблишментом, социал-демократы утверждали, что социальные реформы нельзя рассматривать как издержки экономики, ибо они по своей сути социальные инвестиции в достижение экономического благополучия. Второй, но не менее важной задачей резолюции съезда ПЕС назвали укрепление в ЕС демократических принципов, для чего необходимо приблизить европейские институты власти к гражданам²⁸.

Темы, поднятые в лиссабонских резолюциях, были развёрнуты и в Манифесте-2019, обнародованном в канун майских европарламентских выборов. Отметим, что в нём давалась позитивная оценка деятельности Европейской комиссии 2014–2019, проводившей, как было сказано в документе, правильную инвестиционную политику. Указывалось, что во второй половине десятилетия в странах – членах ЕС были созданы тысячи рабочих мест, оживился приток капиталов. Основными направлениями инвестиций стали экологически ориентированные технологии, возобновляемая энергия. Социально ответственный бизнес поддержал тех, кто оказался на грани банкротства. Другой важной темой для социал-демократов был, согласно Манифесту-2019, иммиграционный вопрос. Власти ЕС уповали на согласованную политику, основанную на принципах солидарности и

²⁸ Современная Европа. 2019. №5. С. 60.

равной ответственности. Социал-демократы призывали как к разумному использованию новых трудовых ресурсов, так и к контролю над иммиграционными потоками при защите прав беженцев. Социал-демократы сделали и общий стратегический вывод из складывавшейся в Европе ситуации: «Люди живут в ожидании реформ, направленных на повышение уровня жизни и социальной ответственности, обеспечение равенства и улучшение климата»²⁹.

Итоги выборов в ЕП-2019 свидетельствовали об общеевропейском тренде утраты прежних позиций большинством партий истеблишмента в основных европейских государствах. У ПАСД эта тенденция ощущалась вполне выразительно. В таких наиболее крупных странах, как Германия, Франция и Италия, потери местных партий были очевидны. При этом не имела значения властная конфигурация. Коалиционная СДПГ потеряла по сравнению с 2014 г. 16 депутатских мандатов. Оппозиционные французские социалисты утратили 8 европарламентских мест. 12 своих представителей в ЕП недосчиталась Демократическая партия Италии. В покидавшей ЕС Великобритании местные оппозиционные лейбористы вдвое (до 10 мест) уменьшили своё, уже ненужное им после брекзита, представительство во фракции ПАСД. Единственным бенефициаром в этой группе крупных европейских государств были вернувшиеся за год до евровыборов во власть социалисты Испании (+6 европарламентских мест). Среди наиболее населённых стран ЦВЕ определённую выгоду из своей оппозиционности извлекли наследники некогда мощной польской социал-демократии (+3 места).

В категории стран, депутатское представительство которых колебалось в пределах 32 (Румыния) – 20 (Швеция) мест в ЕП, социал-демократы ослабили в Румынии (-6 мандатов). В Чехии они вообще лишились всех европарламентских мест, зато в Нидерландах, наоборот, укрепились тремя новыми депутатами от местной Партии труда. В остальных малых странах Европы, особенно в тех из них, кто посылал в ЕП менее 20 депутатов,

²⁹ Manifesto-2019. URL: https://pes.eu/export/sites/default/galleries/Documents-gallery/PES-Manifesto-2019_EN.pdf_2063069299.pdf (дата обращения 12.02.2021).

перемены для социал-демократов были несущественные (± 1 место)³⁰. В целом же фракция ПАСД сохранила своё традиционное второе место, которое всё же давало ей право вместе с «народниками» и либералами участвовать в формировании структуры как законодательной, так и исполнительной власти Европейского союза.

2.7. Партийный «триумвират» в политических играх XXI века

Электоральные результаты трёх китов партийной структуры ЕС – христианских демократов / консерваторов, социал-демократов и либералов – давали им возможность не только формировать руководящие органы Европарламента и Еврокомиссии без реального участия представителей других политических отенков, но и держать под постоянным контролем функционирование Европейского союза. Однако для этого необходима хорошо отлаженная система согласований и компромиссов, прошедшая апробацию во властных структурах стран – членов Европейского союза. Чрезвычайно важным представлялся и опыт нахождения общего политического знаменателя в парламентских фракциях «триумвирата», где должны были сочетаться национальные и региональные интересы, которые далеко не всегда совпадали даже у, казалось бы, идейно-политических единомышленников. Когда же речь шла о проведении того или иного кандидата на высокий евросоюзовский пост, то следовало учитывать и его личные качества, и профессионализм, и масштабы странового политического опыта. Традиционно схема должностной иерархии в евросоюзовской пирамиде власти опиралась прежде всего на удельный вес соответствующих государств в ЕС, на место ведущих партий в их политической жизни. В XXI в. всё большее влияние получал и гендерный фактор, дававший женщинам всё более значительное политическое пространство в сфере, ранее почти полностью монополизированной мужской частью европейских политиков.

Новый век для всей властной структуры ЕС начинался с незавершённого скандала, связанного с коррупционной деятель-

³⁰ 2019 European election results. URL: <https://www.election-results.eu/seats-political-group-country2019-2024>.

ностью прежнего состава Европейской комиссии, которую с 1994 г. возглавлял известный люксембургский политик-демократ Ж. Сантер. В результате авторитет только-только набравшего в ЕС силу органа исполнительной власти был серьёзно подорван. В новый состав комиссии, которую возглавил итальянский социалист Р. Проди, из двадцати прежних членов вошли только шестеро. По итогам выборов в ЕП в июне 2004 г. после длительных переговоров и согласований председателем ЕК был избран бывший премьер-министр Португалии Ж.-М. Баррозу, так же, как и Сантер, представлявший блок ЕНП–ЕД. ПАСД, после некоторых колебаний, поддержала его кандидатуру, тем более что после выборов в ЕП в июне 2004 г. разрыв в пользу правых возрос с 8,3 до 10,2% депутатов от соответствующих фракций³¹. Отметим, что до начала переговоров лидеров обеих фракций у социалистов не было пользовавшегося общим доверием собственного кандидата.

Часть считала приемлемой кандидатуру бывшего премьер-министра Финляндии П. Липпонена, другие выдвигали датского социал-демократа П. Н. Расмуссена. Некоторые полагали, что представителем ПАСД на этом посту должен быть кто-либо из социалистов юга Европы. Видимо, несогласованность по кандидатуре претендента и сыграла в конечном счёте главную роль. В ходе тайного голосования за Баррозу было отдано 413 голосов против 215, воздержались 44. С учётом того, что в списочном составе ЕП созыва 2004–2009 гг. было 732 депутата, из них от ЕНП–ЕД – 268, а от ПАСД – 200, становится ясно, что небольшая часть традиционных партнёров не поддержала якобы согласованного кандидата на пост председателя Европейской комиссии. Между тем, как сообщала пресса, обе фракции практически сразу же после выборов заключили соглашение о разделе постов в руководстве Европарламента. Пост председателя ЕП в первой половине легислатуры был отдан испанскому социалисту Ж. Боррелю. Следующие 2,5 года главным лицом в ЕП становился Х.-Г. Петтеринг, более 20 лет представлявший в парламенте блок ХДС/ХСС. Отметим, что после известного скандала в ЕК временным председателем ЕП был избран ир-

³¹ URL: www.parties-and-elections.de.2004.

ландский либерал П. Кокс, поддержанный значительной частью ЕНП–ЕД. ПАСД тогда хотела видеть на этом посту лейбориста Д. Мартина, однако в конечном итоге часть фракции всё же согласилась с кандидатурой ирландца, хотя в самой фракции АЛДЕ тогда насчитывалось менее 80 депутатов.

При формировании Еврокомиссии легислатуры 2004–2009 гг. возникли серьёзные проблемы с кандидатами на некоторые посты еврокомиссаров. Так, при слушаниях в специальной Комиссии, рассматривавшей кандидатуры, предложенные странами – членами ЕС, выяснилось, что не все из кандидатов имеют необходимый для работы на этих постах опыт профессиональной и политической деятельности. В конечном итоге, благодаря соглашению двух крупнейших фракций, всё удалось уладить. Исключением стало «дело Р. Бутильоне», кандидатуру которого на пост комиссара по налоговой политике предложил тогдашний премьер-министр Италии С. Берлускони. Не только левым в ЕП, но и части демохристиан не понравилась предложенная кандидатом идея создания в Северной Африке фильтрационных лагерей для иммигрантов, направлявшихся в Европу. Кроме того, кандидат от Италии осуждал матерей-одиночек и представителей сексуальных меньшинств. В ходе длительных переговоров С. Берлускони согласился заменить сомнительную кандидатуру. В результате из-за «дела Р. Бутильоне» состав ЕК впервые был утверждён лишь с третьей попытки.

Важную роль в неприятии ставленника Берлускони сыграли либералы, большинство которых, несмотря на принципиальную поддержку блока ХДС/ХСС и ПАСД, не хотели голосовать за Комиссию с участием одиозной фигуры Р. Бутильоне. Важно подчеркнуть, что в «эру Баррозу» представители АЛДЕ имели в ЕК мест больше, чем это следовало бы, исходя из их доли в депутатском корпусе Европарламента. Так, в ЕК из 25 еврокомиссаров 8 были либералами, в то время как в членском составе ЕП они имели около 12% депутатских мест. Фракция стала своего рода балансиrom во взаимоотношениях между двумя ведущими и остальными фракциями ЕП. Отметим, что либералы Бельгии были в рассматриваемый период весьма авторитетны в истеблишменте Евросоюза. Фламандец Ги Верховстадт не толь-

ко возглавлял бельгийское правительство, но и имел определённые шансы стать в 2004 г. председателем Еврокомиссии. В 2009 г. либералы избрали его председателем фракции АЛДЕ в ЕП. Сподвижник Верховстадта валлонский либерал Л. Мишель занял в «комиссии Баррозу» пост еврокомиссара по вопросам развития и гуманитарной помощи.

После очередных выборов в ЕП 2009 г. либералы вновь получили в ЕК пропорционально больше мест, чем это вытекало из итогов общеевропейского голосования. Имея в парламенте ЕС 11% от общего числа европарламентских мандатов, они заняли четверть мест еврокомиссаров. Отчасти это можно было объяснить ставшими более конфликтными взаимоотношениями «народников» и социалистов. Руководивший, как того требовали правила ЕС, процедурой создания команды еврокомиссаров председатель ЕК, в данном случае Баррозу, опирался на очевидный факт утраты членами ПЕС правительственных позиций в ряде европейских государств. Со своей стороны социал-демократы в процессе формирования ЕК также показывали зубы. В частности, при их активном участии была «снята с дистанции» претендентка на пост комиссара по финансам болгарка Т. Елева, представлявшая партию ГЕРБ – члена ЕНП. Её заменила беспартийная К. Георгиева, также представлявшая в ЕК Болгарию. Серьёзные разногласия у дуумвирата ЕНП – ПАСД возникли и по поводу кандидатуры нового председателя ЕП, которым в конечном счёте стал известный немецкий социал-демократ М. Шульц.

«Народники» в целом сохранили в ЕК ведущие позиции и после очередных выборов в ЕП в мае 2014 г. Пост председателя плавно перешёл от Баррозу к люксембуржцу Ж.-К. Юнкеру, не только долголетнему премьер-министру Великого герцогства, но и руководителю Еврогруппы – коллегии министров финансов ЕС, активно участвовавших в поисках выхода из финансового кризиса 2008–2009 гг. В данном случае вновь имел место компромисс между ЕНП и ПАСД, причём последняя добилась пролонгации ещё на 2,5 года предательских полномочий в ЕП для М. Шульца. После него до конца легислатуры пост первого лица в парламентской иерархии ЕС автоматически переходил к

итальянскому консерватору А. Тайяни. На пост Верховного представителя ЕС по вопросам внешней политики и безопасности была выдвинута от ПАСД итальянка Ф. Могерини. При голосовании в ЕП (июль-август) она, как и Юнкер, получила более 420 голосов депутатов. В конце октября 2014 г. был утверждён и весь список еврокомиссаров с результатом: 423 «за», 209 «против», 67 «воздержались». Отметим, что, как и в прошлые годы, баланс партийных интересов был соблюден с очевидным изъяном. Так, ЕНП, имея 221 депутата, получила половину мест еврокомиссаров. ПАСД, отставая на 30 парламентских мест, получила лишь 8 постов в ЕК. Зато, опять-таки с нарушением принципа пропорциональности, укрепились либералы. В ЕК их стало 5 при 67 членах депутатского корпуса АЛДЕ. Отметим, что страновое британское место было отдано консерватору из фракции «Европейские консерваторы и реформисты», хотя в ЕП Консервативная партия Великобритании имела на одно место меньше, чем лейбористы (19 против 20). Тем самым было нарушено ранее неукоснительно соблюдавшееся правило, согласно которому национальным еврокомиссаром становится представитель партии, наиболее успешно выступившей на евровыборах.

Принцип весьма относительного паритета был использован и при дележе фракциями наиболее значимых еврокомиссарских постов. Здесь очевиден интерес ЕНП к важным экономическим позициям (бюджет, валюта, экономический рост, социальная сфера, миграция, внутренний рынок, промышленность и предпринимательство). ПАСД взяла под свой контроль сферу внешней политики и безопасности, верховенство закона, энергетики, здравоохранения. Скромно выглядели приоритеты либералов (цифровой внутренний рынок, конкуренция, транспорт и космос, торговля, потребительский рынок). Отметим, что единственный британский еврокомиссар (консерватор) получил далеко не второстепенный пост по теме банковского союза и интеграции рынка капиталов. Особенностью «комиссии Юнкера» было укрепление гендерного принципа, ибо теперь уже треть мест еврокомиссаров заняли женщины. Кроме того, расширилась география ЕК. Еврокомиссарами стали представители

стран – новичков ЕС (Болгарии, Словакии, Эстонии, Латвии). Все они автоматически получили посты заместителей председателя ЕК. Хотя состав ЕК Юнкера был поддержан большинством депутатов, однако «Европейские консерваторы и реформисты» в основном были в числе воздержавшихся.

Две доминирующие группы депутатов этой фракции – британские консерваторы и члены польской партии «Право и справедливость» (ПиС) – не могли простить Юнкеру его прежние грехи. Для КПВ он был персона нон грата, ибо в своё время поднял вопрос о денонсации так называемого «британского чека» – ежегодных субсидий на нужды британского сельского хозяйства, получения которых М. Тэтчер добилась ещё в 1984 г. ПиС не могла смириться с тем, что Евросоюз устами Юнкера резко критиковал Польшу за умаление норм европейского права в угоду конфессиональным ценностям. Те же претензии были у ПиС к Д. Туску, бывшему премьер-министру Польши и главе Европейского совета, лидеру «Гражданской платформы», активно поддерживавшему, как член ЕНП, позицию Юнкера по «польскому вопросу».

Уже в начале своей легислатуры «комиссии Юнкера» пришлось вести «оборонительные бои» с её главными оппонентами из британского ПНСК, итальянского движения «Пять звёзд» (Д53) и лепеновского «Национального фронта». К самому Юнкеру были претензии, касавшиеся его финансовых дел в Люксембурге. При этом три вышеназванных оппозиционных группы, опираясь на соответствующую статью Лиссабонского договора, поставили вопрос о доверии всему составу ЕК. Наблюдатели полагали, что за антиюнкерской акцией стоят его давние недруги из Консервативной партий Великобритании. Однако, добившись постановки вопроса о доверии на пленарной сессии ЕП в конце ноября 2014 г., его инициаторы вполне ожидаемо не получили искомого результата. За отставку проголосовало лишь 16% членов ЕП, 14% воздержались, а 70% выступило против. Показательны итоги голосования по фракциям «триумвирата». У АЛДЕ все были против, у ЕНП один воздержался, у ПАСД один был «за» и три воздержались³². Основной урожаем в

³² URL: <http://www.wotewatch.eu/en>, 04.02.2015.

лагере противников Ж.К. Юнкера был собран за счёт фракции «Европа за свободу и демократию» (40 голосов), в которую входили Д53 (Италия) и ПНСК (Великобритания), а также группа независимых депутатов, членом которой тогда был лепеновский «Национальный фронт» (38 голосов). Отметим, что «за» проголосовали 16 британских консерваторов из группы «Европейские консерваторы и реформисты».

В последующем, вплоть до окончания legislatury, у «команды Юнкера» не было проблем с легитимным выполнением своих функций. Появились они лишь в преддверии новых выборов в ЕП, назначенных на конец мая 2019 г. Речь шла не столько о разногласиях с евроскептической частью ЕП, сколько о кандидатуре председателя Комиссии, ибо Юнкер твёрдо заявил о нежелании идти на второй срок. Здесь опять-таки всплыла тема «основного кандидата», которым первоначально считался представитель немецких демохристиан баварец М. Вебер, поддержанный А. Меркель, но встретивший сопротивление со стороны Э. Макрона³³. В конечном итоге возникла кандидатура У. фон дер Ляйен, олицетворявшей первостепенные для претендента категории. Она представляла и ведущую страну в ЕС, и наиболее многочисленную фракцию в ЕНП, да к тому же соответствовала новомодному гендерному критерию. Правда, достигнутый в верхах компромисс при голосовании удовлетворил далеко не всех членов фракций «триумvirата». Если ЕНП и ОЕ (либералы) солидарно поддержали фон дер Ляйен, то треть социал-демократов голосовала против. Более или менее приличный разрыв в голосовавших «за» (383) и «против» (327) был достигнут за счёт 22 воздержавшихся.

«Пакетному» соглашению способствовала поддержка «народниками» и либералами кандидатуры итальянского социалиста Д. Сассоли как нового председателя ЕП, но последний также с трудом преодолел искомый минимум (+34 голоса «за»), перебрав его лишь на 11 голосов³⁴. Обе фракции, хотя и не без диссидентов, поддержали второго «пакетного» кандидата социалистов, уже известного нам Ж. Борреля, ставшего Верховным ко-

³³ Der Spiegel. 2019. №23. P. 46; №27. С. 30.

³⁴ Современная Европа. 2020. №2. С. 169, 170.

миссаром по вопросам внешней политики и безопасности. Добавим к этому, что нидерландский социал-демократ Ф. Тиндеманс, вначале номинированный на пост, занятый фон дер Ляйен, стал её вторым заместителем. В целом по числу еврокомиссаров ПАСД впервые в XXI в. опередила «народников» – 11 к 9.

Не остались внакладе и либералы. Датчанка М. Вестагер, также первоначально выдвигавшаяся на пост председателя ЕК, была вознаграждена постом заместительницы фон дер Ляйен. В целом либералы сохранили свою еврокомиссарскую квоту (5 человек). Более важным для них всё же стало соглашение ЕНП и ПАСД о передаче им формально наиболее значимого в Евросоюзе поста Президента Европейского совета. Получивший его бельгиец Ш. Мишель был в ЕС признанным авторитетом. Он сменил уже упоминавшегося Д. Туска, который, впрочем, рекомендовал, чтобы его сменщиком был кто-либо из «триумвирата» стран Восточной Европы.

Нельзя сказать, что пертурбации в ЕС были безболезненны. При оформлении ЕК были отклонены кандидаты на посты еврокомиссаров от Венгрии, Румынии и Франции. Последнюю представляла дама, активно продвигавшаяся Макроном. Впрочем, замены неудачникам были найдены, хотя в результате ЕК смогла начать работу с месячной задержкой. Весь список Комиссии получил поддержку 461 депутата; против было 157 голосов и ещё 89 воздержались. В этом голосовании, как и в некоторых других, «триумвират» поддержала часть «зелёных». Таким образом, начало новой легислатуры ЕП подтвердило наличие проблем как внутри фракций правящего большинства, так и у «триумвирата» в целом. Нельзя было сбрасывать со счетов и мнение оппозиции, которая могла вносить в работу ЕП коррективы различного свойства – как персонального, так как и принципиального характера.

ГЛАВА 3. ПАРТИИ «ВТОРОГО РЯДА» В НАЦИОНАЛЬНОМ И ЕВРОПЕЙСКОМ МАСШТАБАХ

Несмотря на то что в начале XXI в. основные решения в рамках Евросоюза принимались представителями трёх ведущих

идейно-политических направлений – демохристианами / консерваторами, социал-демократами и либералами – партнёрские контакты с партиями «второго ряда» не выносились за скобки диалога в структурах законодательной и исполнительной власти. Последние, достаточно заметные в собственных государствах, пытались найти свою нишу и в Европарламенте. Правда, для этого им надо было организовать в группы и фракции, что не всегда было возможно по ментальным, историческим и даже чисто персональным причинам. Совпадение в позициях не могло автоматически конвертироваться в организационный формат. Это проявлялось и в выборе названия соответствующей парламентской структуры. Предлагавшееся одной частью фракции не встречало поддержки у остальных её участников.

Впрочем, уточнения названий фракции случались и у «триумвирата». После успеха макронцев на выборах в ЕП-19, АЛДЕ, явно заинтересованная в их поддержке, согласилась на новый вариант – «Обновление Европы». Ребрендинг произошёл и у «народников», когда после ухода от них британских консерваторов ЕНП отбросила вторую часть своей аббревиатуры (ЕНП–ЕД). В лагере национал-изоляционистов возникло название «Идентичность и демократия», хотя после выборов в 2009 г. она называлась «Европа свободы и прямой демократии». В её состав вошли партии, ранее считавшиеся внефракционными, а в конце легислатуры 2004–2009 гг. предлагавшие название «Самобытность, традиции, суверенитет». На противоположном, левом фланге ЕП так же постоянно шёл процесс поиска наиболее приемлемой вывески. «Зелёные», объединившись в 1995 г. с некоторыми региональными партиями Испании и Великобритании, стали именоваться «Европейские Зелёные – Европейский свободный Альянс» (ЕЗ–ЕСА). Отметим, что после брекзита британские регионалисты, вместе с другими партиями Туманного Альбиона, покинули ЕП. Наличие в традиционной фракции, объединявшей левых социалистов и посткоммунистов Европы, всего одного депутата от финских «зелёных» наделило её причудливым именем: «Конфедеративная группа европейских левых – северных зелёных левых» (ОЛ–ЗЛС).

Многообразии антиистеблишментского меньшинства не ме-

шало ему во многих случаях собирать достаточное количество голосов «против». О некоторых таких «праздниках непослушания» мы уже рассказывали. Посмотрим, как вели себя партии «второго ряда» не только в общеевропейском, но и в национальном формате событий начавшегося XXI столетия.

3.1. «Зелёные»: лояльные критики евроинтеграции

В отличие от «триумвирата», имевшего более чем столетнюю политическую историю, экологизм в его партийном облике стал оформляться лишь в последней трети XX в. Это отражало потребность части западного общества в спонтанной реакции на явные угрозы среде обитания от бесконтрольного развития промышленного производства, освоения новых энергетических мощностей. Начальные сигналы в данном контексте пришли, вполне естественно, из наиболее развитых стран Старого Света. Первой политически отреагировала Германия, где была создана партия «Союз 90/Зелёные». С небольшим опозданием к ней присоединились скандинавские государства, страны Бенилюкса, Франция, Великобритания, Австрия. В Южной Европе и бывших «социалистических» государствах политический экологизм вплоть до сегодняшнего дня невыразителен.

На последнем этапе формирования политических структур Евросоюза в 1993 г. была создана «Европейская федерация Зелёных партий», объединившая пошедших в политику защитников природы из разных регионов европейского континента. Пионеры политического экологизма настойчиво искали особые подходы к европейскому электорату, активно включившись в избирательные кампании как на национальном уровне, так и в рамках Евросоюза. Правда, если в страновом формате они предлагали себя индивидуально-партийно, то на выборах в ЕП, начиная с 1999 г., были в связке с региональными партиями левого толка из Великобритании и Испании. Делалось это, скорее всего, для подстраховки с учётом европарламентского минимума для создания фракции (25 депутатов из 7 стран). Объединённая фракция получила название «Европейские зелёные – Европейский свободный альянс» (ЕЗ–ЕСА). Отметим, что регионалы отнюдь не портили «зелёным» погоды, совпадая с ними по большинству рассматривавшихся в ЕП проблем.

Выборы в ЕП 1999–2019 гг. свидетельствовали, что при незначительных электоральных подвижках «зелёные плюс» были вполне устойчивой частью ЕП. В процентах от численности всего депутатского корпуса они имели в 1999 г. 7,7% мест, в 2004 г. – 5,7%, в 2009 г. – 7,0%, в 2014 г. – 6,6%, в 2019 г. – 9,85%³⁵.

Экологические партии из зон наибольшей электоральной активности постоянно получали устойчивые результаты, превосходившие в целом показатели других партийных групп «второго ряда». Проиллюстрируем страновой расклад электоральных результатов «зелёных» по итогам прошедших выборов 2019 г., расположив их в порядке убывания: «зелёные» Германии получили 20,5%, Люксембурга – 18,9%, Дании (две партии) – 18,7%, Финляндии – 16,6%, Бельгии (две партии) – 15,3%, Австрии – 14,1%, Франции – 13,5%, Великобритании – 11,7%, Швеции – 11,5%, Ирландии – 11,3%, Нидерландов – 10,9%, Португалии – 5,0%, Италии – 2,3%³⁶.

Вполне приличные результаты «зелёных» позволяли им при поддержке части депутатов партий истеблишмента, прежде всего социал-демократов, получать важные места в парламентских комитетах и даже претендовать на высокие должности в иерархии Европейской комиссии. Здесь явным фаворитом «зелёных» были представители ФРГ. В легислатуре 1999–2004 гг. еврокомиссаром по экологии оказалась М. Шрейер, ближайшая сподвижница лидера немецких «зелёных» Й. Фишера, тогдашнего вице-канцлера и министра иностранных дел Германии. В преддверии выборов председателя ЕК в 2019 г. «зелёные» выдвинули кандидатуру лидера фракции Ска Келлер, поддержав в конечном итоге У. фон дер Ляйен (ЕНП). Отметим, что по итогам голосования 2019 г. немецкие «зелёные» стали по приросту голосов первой среди немецких партий (+9,8%), в то время как главные партии истеблишмента испили горькую чашу разочарования. СДПГ ослабела на 11,5%, ХДС/ХСС на 6,4%³⁷.

Устойчивые позиции «зелёных» на европейском политиче-

³⁵ URL: www.parties-and-elections.de 2004 08.06.2009; <http://www.elections.com/2009-results-en.html>; <http://www.elections2014.eu>; <http://elections2019.results.eu>.

³⁶ 2019. European election results, 17.06.2019.

³⁷ Выборы в Европарламент – 2019. под ред. Ю.Д. Квашнина и др. М.: ИМЭМО РАН, ИЕ РАН, 2019. С. 72.

ском олимпе в известной степени связаны с их достаточно акцентированной программно-теоретической активностью. Несмотря на множественность национальных вариантов экологической политики, руководство Федерации «европейских зелёных» нашло для её членов общий программный знаменатель. Уже в ноябре 2003 г. на XV съезде Федерации были приняты два документа – Программа действий «Зелёный контракт для Европы» и Манифест к выборам в ЕП 2004 г. «Европа может быть лучше. Решайтесь». Отметим, что помимо общих экологических требований строгого соблюдения Киотского протокола, «зелёные» выдвинули ряд социально-ориентированных инициатив. Обращаясь к малоимущим гражданам Европы, «зелёные» предлагали создание особого фонда социальной поддержки, используя для этого в конструктивном ключе жёсткую систему налогообложения. Предлагалось при реформировании ЕС ликвидировать право вето в Европейском совете, расширить полномочия ЕП, проводить регулярные референдумы, итоги которых будут обязательны для стран, входящих в союз. «Зелёные» активно поддерживали расширение союза, требовали равенства в правах старых и новых его членов, синхронности в реформировании экологической и социальной сферы. Не впадая в излишнее теоретизирование, «зелёные» выдвинули программу из 44 пунктов политической повестки для legislatures ЕП 2004–2009 гг. В этом документе важным представлялось положение о защите внутреннего рынка, что должно было содействовать как оздоровлению окружающей среды, так и интересам европейского потребителя³⁸.

Очередные выборы в ЕП 2009 г. подвигли «зелёных» к выдвиганию весьма актуальной темы, на которую они и раньше обращали внимание, – поиск альтернативных источников энергии. Топливный кризис 2008–2009 гг. сделал реформирование системы мирного использования атомной энергии электорально выигрышным сюжетом. Экологический партийный компонент Евросоюза по полной программе отработал тему опасности расконсервации старых и строительства новых АЭС. Предвыборная

³⁸ Европейский парламент. Проблемы и перспективы / отв. ред. В.Я. Швейцер. М.: Огни, 2004. С. 82-83.

программа «зелёных» также вновь обратила внимание на опасность для людей загрязнения природы промышленными отходами. «Зелёные» обозначили в программном формате и тему глобального потепления как результата неразумной индустриальной политики. В этом вопросе конструктивный компонент программы к выборам 2009 г. был не менее весом, чем критический. Важным стал и пропагандистский призыв к реформированию ЕС, его очеловечиванию. Электоральное использование выгодных для «зелёных» объективных и субъективных обстоятельств принесло им успех на выборах в ЕП 2009 г. По сравнению с предшествующими, они практически везде улучшили свои позиции. Особенно это было заметно во Франции, Германии, Великобритании, Бельгии, Финляндии, Нидерландах, Дании. Из этой страны в ряды «ЕЗ–ЕСА» влилась левая партия Народных социалистов. Некоторые подвиги были заметны и в целом неэкологически ориентированном электорате Испании, Греции, Латвии, партии которых также впервые заняли места во фракции «ЕЗ–ЕСА».

К следующему этапу электоральных битв в Евросоюзе, связанному с майскими 2014 г. выборами в ЕП, «зелёные» вновь попытались попасть в восходящий тренд европейской политики. В их Манифесте–2014 был сделан акцент на необходимость фундаментальной политической переориентации и демократического обновления ЕС. Противниками такого курса были названы популисты, националисты и экономические шовинисты. Успехи последних на выборах, полагали «зелёные», негативно скажутся на благополучии государств союза. Манифест призывал к совместным усилиям по ликвидации угроз социально-экономического и экологического характера. Этот призыв к сотрудничеству всех, кто не приемлет национал-популизм, сопровождался критикой правой части истеблишмента. Учитывая опыт финансово-экономических потрясений рубежа первого и второго десятилетия XXI в., в Манифесте осуждался неолиберальный экономический курс, основывавшийся на погоне за краткосрочной прибылью. Этот курс многих правительств Европы привёл к глубокому финансово-экономическому кризису. В результате на нет были сведены важные социальные и демократические

достижения Европы, а порядка 25% населения ЕС оказалось на грани бедности³⁹.

Результаты выборов в ЕП 2014 г. показали, что европейский электорат хотя и воспринимал позитивно определённые программные сюжеты «зелёных», однако давал им оценку, исходя из их текущей практики и их реальных политических возможностей. В одних случаях неучастие во власти дало им электоральный бонус: в Австрии +5,2%, в Швеции +4,5%, в Ирландии +4,1%. Голосовавшие оценили их достаточно конструктивную деятельность в оппозиции. В других – Франция (-7,3%), Дания (-5,1%), Финляндия (-3,1%) их альтернативы правящим партиям не выглядели убедительными. Электорально незначительными были потери у «зелёных» Великобритании (-1,0%), Германии (-1,4%), Бельгии (-2,0%). В целом команда «зелёных» потеряла 2,5% мест в ЕП⁴⁰.

Бурные события следующего 5-летнего цикла, безусловно, повлияли на критический настрой «зелёных». Программное выражение он нашёл в документе «Время обновить перспективу Европы», опубликованном в ноябре 2018 г., более чем за полгода до очередных парламентских выборов. В нём, наряду с традиционными проэкологическими и социально-заострёнными пассажами, содержалась также вполне взвешенная оценка европейской ситуации. Политика ЕС оценивалась по-разному. В положительных тонах говорилось о проведении в Европе демократических реформ, решении ряда актуальных социальных вопросов. Однако много ещё, полагали «зелёные», предстоит сделать. Прежде всего, реформировать политику занятости и использовать экологически ориентированные производственные технологии. Манифест с оптимистических позиций констатировал, что «зелёные» являются «сторонниками сохранения и совершенствования ЕС, его расширения за счёт как можно большего числа европейских государств». Целью экологистов является построение социальной Европы «с устойчивой экономикой и налоговой справедливостью». Структура ЕС должна стать более прозрачной, демократической и эффективной. «Зелёные» попы-

³⁹ URL: <http://www.elections.com/2009-results/en/html>, 08.06.2009.

⁴⁰ URL: <http://europeangreens.eu/sites/europeangreens.eu/files/2014%manifesto.pdf>.

тались увязать в своём Манифесте тезис о «новом зелёном курсе» с созданием более сбалансированной экономической системы. Её составной частью должна стать новая политика в отношении беженцев и мигрантов. «Зелёные» вновь поставили вопрос об отмене Дублинской системы, ставившей в сложное положение прибрежные государства Европы⁴¹.

Документы «зелёных» второго десятилетия XXI в. выглядели вполне конструктивным приглашением как к диалогу с левой частью политического истеблишмента, так и к нахождению точек совпадения по ряду позиций с его правым крылом. Всё это представлялось вполне реальным, тем более что в целом ряде стран у «зелёных» был уже накоплен опыт сотрудничества с истеблишментом не только в органах законодательной власти, но и в правительственных структурах.

В этом деле приоритет следует отдать Германии, где в 1998–2005 гг. у власти находилась коалиция СДПГ и «Союз 90 / Зелёные». После 7 лет достаточно непростого сотрудничества партия Й. Фишера стала коалиционно приемлемой в ряде земельных властных структур. Второй страной, где «зелёные» смогли наладить партнёрские взаимоотношения с местной социал-демократией, стала Швеция. Дважды (2014 и 2018 гг.) СДРПШ и шведские «зелёные» образовывали коалиции, которые, не будучи электорально устойчивыми, всё же создавали противовес активизировавшимся правым силам. В обеих странах сотрудничество это тормозилось, а в конечном итоге и прекращалось из-за нестыковок в вопросах социальной политики и миграционных неурядиц. «Зелёные» за последние 20 лет приобрели также опыт правительственных взаимоотношений с правой частью истеблишмента. В Ирландии с 2007 по 2011 г. функционировал кабинет, в который входили либералы из «Фиана Файл», прогрессивные демократы и местные «зелёные». В Финляндии и Бельгии «зелёные» также участвовали в правительственных коалициях. В первом случае в составе левоцентристской коалиции (2019–2020 гг.), во втором (1999–2003 гг.) в кабинете известного бельгийского либерала Ги Верховстадта. В этом правительстве

⁴¹ Современная Европа. 2019. №5. С. 61; Современная Европа. 2020. №4. С. 124–125.

были обе экологические партии ЭКОЛО и АГАЛЕВ, представлявшие как валлонскую, так и фламандскую общины Бельгии. В другой небольшой европейской стране – Австрии в 2017 г. президентом стал лидер местных экологов А. ван дер Беллен. Во многом благодаря его усилиям в конце 2019 г. правительственный кризис завершился формированием уже апробированной в ряде австрийских земель «чёрно-зелёной» коалиции (АНП–«Зелёные»). Пост вице-канцлера получил лидер «зелёных» В. Коглер. Всё это свидетельствовало о возможности в определённых ситуациях находить баланс между традиционными «партиями истеблишмента» и ранее чужеродными для них европейскими «зелёными».

3.2. Этнорегиональные партии между сепаратизмом и автономией

Европейский свободный Альянс, являясь незначительной частью депутатской фракции «ЕЗ–ЕСА», был к тому же весьма ограничен в реальном политическом влиянии. Этнорегиональные партии нередко находили себе место в крупных партийных агломерациях ЕП, идеологически им более приемлемых, чем маловыразительный ЕСА. Так, членами фракции ЕНП были Демократический Союз Каталонии и Демократический Союз венгров Румынии. В АЛДЕ нашли себе пристанище Демократическая конвергенция Каталонии и Баскская националистическая партия. К либералам себя причисляли Движение за права и свободы – партия турецкого меньшинства Болгарии и Шведская народная партия (Финляндия). В рядах «Объединённых левых» соседствовали две партии «Шинн Фейн» – британская и ирландская, выступавшие за объединение Северной Ирландии с Ирландской республикой. Наконец, в разных фракциях находились этнорегионалы Бельгии – Новый фламандский альянс (ЕКР) и Италии – «Лига Севера». Правда ЛС, став в середине второго десятилетия просто «Лигой», формально не могла быть причислена к этнорегиональной категории партий ЕП. Зато к этой группе партий приобщился «Русский Союз Латвии», ранее называвшийся «ЗАПЧЕЛ» из фракции «ЕЗ–ЕСА».

ЕСА в своих программных документах старался соблюсти баланс общеевропейских и национально-государственных про-

блем. Так, в Манифесте к евровыборам 2014 г. приоритетным называлось право на самоопределение. Оно расшифровывается как право народов и регионов образовывать новые государства на территории ЕС при соблюдении демократических процедур. В этом пассаже явно ощущалось влияние сепаратистов Шотландии (ШНП) и Каталонии (коалиция «За право решать»). Новые государственные образования, равно как отдельные регионы, должны сохранить особый статус и, оставаясь в составе ЕС, иметь собственный коллективный парламентский орган – Ассамблею региона. Традиционный для ЕС Комитет регионов авторы Манифеста оценивали как «беззубый».

По мнению авторов Манифеста, Лиссабонский договор не оправдал надежд на повышение уровня демократичности и подотчётности структур. Однако, в отличие от евроскептиков, Альянс требовал не уменьшения, а усиления полномочий Брюсселя при их максимальной прозрачности и доступности для контроля со стороны граждан ЕС. В критическом ключе ЕСА оценил финансово-экономическую политику Евросоюза, называя её безответственной. Изменить ситуацию можно усилением контроля как со стороны Брюсселя, так и правительств стран-членов. Если в плане критики ЕС регионалы выступали с более жёстких, чем «зелёные», позиций, то их предложения по исправлению ситуации не слишком отличались от «экологических». В частности, энергетическая повестка была созвучна «зелёной» стратегии. Сельскохозяйственная политика должна, по мнению ЕСА, строиться в соответствии с региональными традициями Европы⁴².

Претензии ЕСА к реформированию в Евросоюзе региональной политики имели под собой веские основания. Сам Комитет регионов, учреждённый в 1994 г., в период определения нового формата ЕС, был замыслен как консультативный орган, инстанция для обмена мнениями центральных и местных властей государств союза. Его статус в последующие годы не изменился. В Лиссабонском договоре Комитет не был признан одним из элементов институционального механизма ЕС. Он лишь получил право отстаивать региональные интересы в Суде ЕС, осо-

⁴² URL: <http://www.e-f-a.org/about-us-documents/1-electoral-manifestos/2014>.

бенно в случаях принятия союзом законодательных актов, нарушающих принцип субсидиарности, решений, не согласованных с Комитетом. Практика двух десятилетий нынешнего века подтвердила забюрократизированность согласительных процедур, что ущемляло реальные интересы регионов.

Недовольство такой безысходной ситуацией стимулировало политические силы этнорегионального толка к более решительному оформлению соответствующих партийных структур. При этом учитывалась не только динамика текущих событий, но и исторические сюжеты, сохранившиеся в памяти политически активного населения крупных европейских регионов. Здесь следует упомянуть такие ведущие страны Евросоюза, как Великобританию, Испанию, Италию. Для Соединённого Королевства постоянно болезненной проблемой оставался шотландский сепаратизм и напряжённая ситуация в Северной Ирландии. Главной болью испанских властей были Каталония и Баскония. Политики Севера Италии всегда напоминали центральной власти об особой роли этой части Апеннинского полуострова в объединении страны. Реперной точкой европейского сепаратизма постоянно была Бельгия. Фламандская часть политической элиты королевства развивала тему конфедерализации страны, а местные ультрационалисты даже поддержали вопрос о её разделении. Исторические сюжеты тесно соседствовали с социально-экономическими. Для Италии важным козырем «Лиги» было очевидное превосходство Севера в хозяйственном развитии. Каталонские сепаратисты объясняли свои претензии на особый статус региона его значительным вкладом в национальный ВВП. С другой стороны, шотландский сепаратизм подпитывался тезисом о способности этой части Великобритании к полной хозяйственной независимости от Лондона. Социально-экономические сюжеты явно стимулировали и фламандских регионал-сепаратистов, считавших, что бельгийская экономика страдает от депрессивной хозяйственной структуры Валлонии.

Типологические характеристики этнорегиональных партий требуют оценки их особых позиций в политической системе стран Евросоюза. Исходя из роли и места регионов в органах законодательной и исполнительной власти, можно выделить не-

сколько типов политического поведения соответствующих партий, определить их функциональную роль.

Прежде всего это партии, интегрированные в систему исполнительной власти в качестве партнёров более крупных игроков своих государств. В Германии это баварский Христианско-социальный союз, который на парламентских и прочих выборах составляет блок ХДС/ХСС. В Баварии ХСС – наиболее сильное партийное образование, длительное время по сути монополизировавшее политическую жизнь своего анклава. Однако взаимоотношения с ХДС у баварцев отнюдь не безоблачны, о чём, в частности, свидетельствовала история с «основным кандидатом» баварцем М. Вебером, которого ХДС не без внешнего давления элегантно заменила на свою креатуру – У. фон дер Ляйен. В Италии совладение идейно-политических позиций «Лиги Севера» и коалиционеров «эры Берлускони» дало ей возможность в 1994–1996 и 2001–2006 гг. войти в правительство с консерваторами из «Вперёд, Италия» и ультраправыми из Национального альянса.

В политической ситуации конца второго десятилетия XXI в. лигисты нашли себе партнёров из «Движения пяти звёзд», войдя с ними в 2018–2019 гг. в коалиционное правительство. Отметим, что ни ХСС, ни «Лига» не педалировали в коалиционных кабинетах интересы своих регионов, всячески поддерживая репутацию партий общенационального масштаба. В двух других странах – Финляндии и Великобритании – партии этнорегионального толка («Шведская народная партия» и североирландские «Демократические юнионисты»), войдя в начале нынешнего века в коалиции, в финском случае с четырьмя партиями, а в британском с консерваторами, также не делали упор на какие-то особые регионально-этнические интересы.

Совершенно иначе вели себя партии, отстаивавшие в своих регионах тему возможного выхода из федеративного, по своей сути, государства. Шотландская национальная партия (ШНП), добившись в 2014 г. референдума о независимости, но проиграв это электоральное сражение, продолжала борьбу за выход из Великобритании, опираясь на свои лидирующие позиции в местных органах власти. Лидер сепаратистов Н. Стерджен, после

успеха (ШНП) на выборах мая 2021 г., требует нового референдума о независимости, прекрасно осознавая нереальность такого события в обозримом будущем. Сходная ситуация и в Каталонии, где сепаратисты центристского и левого толка, сохраняя большинство в местном парламенте, не имеют шансов добиться независимости своего региона без изменения испанской Конституции, на что власти страны категорически не согласны.

Весьма далёкие от решений в формате «вплоть до отделения», хотя и обозначив их (см. Манифест 2014), этнорегионалы весьма активны в оппозиционном лагере. Парламентская трибуна даёт им возможность не только быть услышанными, но и выдвигать законодательные инициативы, в известной степени влияющие на положение власть имущих. Это создаёт у электората соответствующих партий ощущение собственной значимости в решении как сугубо региональных, так и общегосударственных дел. Отметим вклад этнорегиональных партий Северной Ирландии и Страны Басков в локализацию террористической угрозы со стороны местных ультранационалистов в конце прошлого – начале нынешнего века. В местных органах власти (региональные парламенты, коммуны, общинные советы и т.п.) этнорегионалы получают нередко значительное количество мест, что позволяет им оказывать воздействие на политику в сфере культурно-национальной автономии, здравоохранения, экологии.

Первые два десятилетия XXI в. позволяют определить реальные параметры темы суверенитета для этнорегиональных анклавов Европы. Очевидным препятствием для обретения этнорегионалами собственной государственности являются правовые рамки, заложенные в конституциях или иных законодательных актах соответствующих стран Европы. Их население, даже получив право на референдарные решения проблемы независимости, будет учитывать возможность новой конфигурации в европейских структурах власти, прежде всего в ЕС. Последний, как известно, без особого восторга воспринял сепаратистские эскапады региональных элит Шотландии и Каталонии. Тем более что после брекзита сохранение союза стало темой не столько теоретической, сколько весьма приближенной к сегодняшнему дню Европы. С другой стороны, не сняты с повестки

структурно-государственные изменения в целом ряде проблемных с точки зрения усиления сепаратизма европейских государств. Открытой для модернизации и усовершенствования остаётся проблема культурно-национальной автономии и баланса языков, не прекращён диалог по целому комплексу сюжетов между представителями титульных наций и меньшинств. Межпартийная составляющая здесь очевидна как в общегосударственном масштабе, так и в его региональных сегментах.

3.3. Левые социалисты на общеевропейском политическом поле

Эволюция левосоциалистического компонента в Евросоюзе происходило в процессе разложения некогда единого международного коммунистического движения. Наиболее заметно это было в таких ведущих европейских государствах, как Франция и Италия, где местные компартии, завоевавшие авторитет в годы борьбы с фашизмом, стали после 1945 г. реальной политической силой. Схожей была ситуация и в южноевропейских странах, освободившихся в 70-е гг. XX в. от авторитарно-диктаторских режимов (Испания, Португалия, Греция). Компартии этих государств определённое время находились в широком лагере демократических сил. Еврокоммунизм значительной части этих левых выражался не только в неприятии многих сторон модели, навязывавшейся им долгие годы КПСС, но и в критическом отношении к деятельности традиционной европейской социал-демократии. Нарождавшийся по либерально-консервативным лекалам Европейский союз был для левых неприемлем не только своей антисоциальной, как им казалось, сущностью, но и псевдодемократическими паллиативами, очевидным ограничением суверенных прав государств – членов ЕС.

В период оформления в ЕС наднациональных органов власти в их законодательном и исполнительном формате левые пытались не только программно сформулировать собственные альтернативы евростроительству, но и создать межстрановые организационные структуры. При этом обозначилось два организационных направления. Одно из них, «Левое единство», соединяло в себе как прошлое, так и настоящее в посткоммунистическом сегменте Европы. Второе, «Европейские объединённые ле-

вые», шло по пути решительного отмежевания от прежних коммунистических доктрин. В 1995 г. оба течения объединились в межстрановую Партию европейских левых (ПЕЛ), создав ориентированную на Европарламент конфедеративную группу «Объединённые левые / Зелёные левые Севера» (ОЛ–ЗЛС). В канун выборов в ЕП 2004 г. ПЕЛ была официально зарегистрирована как европартия со своей фракцией в ЕП. Под этим названием фракция выступает на всех последующих евровыборах и показывает достаточно стабильные результаты. В 1999 г. она получила 6,7% всех парламентских мест. На следующих выборах этот показатель несколько снизился (5,3%), что в какой-то степени было связано с расширением состава ЕП депутатами новых стран, среди которых лишь коммунисты Чехии и Моравии пополнили ряды ОЛ–ЗЛС. Тенденция относительного уменьшения членов левой фракции обозначилась и в 2009 г. (4,0%). Зато на выборах 2014 г. она получила 6,92% мест от общего числа евродепутатов. На последних выборах 2019 г. фракция понесла некоторые потери (5,46%)⁴³. При этом имело место перемещение отдельных партий по фракциям. В целом за исследуемый период представительство различных партий в ОЛ–ЗЛС претерпело существенные перемены. С 1999 по 2019 гг. постоянными членами фракции были: Партия демократического социализма (Левые Германии), Прогрессивная партия трудового на рода Кипра (АКЕЛ), Социалистическая партия Нидерландов, Левый союз Финляндии, Левая партия Швеции. Результаты этих достаточно стабильных в электоральном отношении партий в отличие от самих фракций в 2019 г. вполне успешны. Германские левые получили 5,5% (6 мест в ЕП), АКЕЛ 27,5% (2), СП Нидерландов 3,37% (1), ЛС Финляндии 6,9% (1), ЛП Швеции 6,8% (1).

В других странах организации, входившие во фракцию ОЛ–ЗЛС, постоянно находились в процессе обновления, в иных случаях объединяясь с ранее не представленными в ЕП партиями. Иногда они раскалывались и даже покидали фракцию. Появлялись и новички, о которых в начале XXI в. ничего не было изве-

⁴³ URL: www.euroobserver.com, 30.06.2004; <http://www.elections2014.eu>; <http://www.elections.com/2009-resulten.html>, 08.06.2009
home/2019.europeanelectionsresult/ep.

стно. Имело место и фактическое исчезновение некогда влиятельных страновых отрядов левосоциалистического толка, превращение их в коалиционных партнёров «второго ряда». Греция в течение двух последних десятилетий обогатилась движением СИРИЗА, зато утратила в этой фракции местную компартию, перешедшую в категорию «независимых». Коммунисты Италии и Франции, окончательно потерявшие самостоятельное лицо в своих странах, эволюционировали в пристяжных для коалиций. В 1999 г. две партии – наследницы ИКП – коммунисты-фундаменталисты и партия Коммунистического возрождения в сумме получили на выборах в ЕП 10,3% национальных европарламентских мандатов. На выборах 2019 г. коалиция, в которой сохранились остатки компартии, собрали 1,74% голосов и вообще лишились представительства в ЕП. Немного лучше обстояли дела у коммунистов Франции. Если в 2004 г. компартия имела 5,2% и два места в ЕП, то в 2019 г. она осталась без европредставительства, собрав 2,49% национального электората. Полной катастрофой обернулись последние выборы в ЕП для Компартии Чехии и Моравии. От 20,3% на выборах 2004 г. (6 мест в ЕП) она скатилась к результату 6,94% (1 место).

В ряде стран, где ослабли позиции коммунистов, укрепились новые левосоциалистические партийные и коалиционные объединения. Это, прежде всего, Греция, где СИРИЗА получила в 2019 г. 23,7% голосов и 6 европарламентских мест. Испанский «Подemos», потеснивший местных коммунистов с политической арены страны, завоевал в 2019 г. 10% голосов и 6 мест ЕП. В Португалии вполне успешны оба блока левосоциалистической ориентации, в одном из которых – «Унитарная демократическая коалиция» – сотрудничают местные коммунисты и экологисты (6,88% и два места в нынешнем Европарламенте), а в другом – «Левый блок» (9,8% и также 2 места) – превалируют левосоциалистические тенденции⁴⁴.

Для «Объединённых левых», как, впрочем, и для других европартий, программные установки имеют вполне политически ориентированное качество. В мае 2004 г., выходя на борьбу за места в Европарламенте, Партия европейских левых, являющая-

⁴⁴ Там же.

яся координатором действий её парламентской фракции, выпустила специальное обращение к своим сторонникам. В нём сохранилась самоидентификация Партии левых как антивоенной партии социальной справедливости, выступающей за демократическую Европу, противодействующей капиталистической глобализации и неолиберализации Старого Света, а в целом являющейся антикапиталистической силой⁴⁵. В документах 2004–2005 гг. отмечалось, что ПЕЛ находится в процессе становления и не навязывает партиям-членам какой-либо единой, руководящей концепции. Также подчёркивалось, что каждая партия может заключать коалиционные соглашения с партиями разной ориентации, брать на себя долю правительственной ответственности в рамках капиталистического общественного строя.

В этом обращении привлекает внимание полицентричность тех идейно-политических позиций, которые позволяли объединяться левым разных воззрений. «Мы ощущаем свою приверженность ценностям и традициям социализма, коммунизма, рабочего и феминистического движения, равенства полов, экологического движения и устойчивого развития, мира и международной солидарности, прав человека, гуманизма и антифашизма, прогрессивного и либерального мышления в национальном и международном масштабе»⁴⁶. Отметим, что процитированный документ был создан в период, когда ведущие политические отряды европейских левых сил находили возможность, при всех никуда не исчезнувших разногласиях, организационно объединиться.

Наиболее ярким примером стало слияние в 2007 г. Партии демократического социализма, электорально ориентированной на Восточную часть Германии, с вышедшими из СДПГ левыми социал-демократами, возглавлявшимися О. Лафонтемом. Последний, как это следовало из его публикаций объединительного периода, прочно стоял на позициях противоположных как псевдокоммунистическим, так и слегка обновлённым социал-демократическим. Он выступал за общественный контроль над

⁴⁵ Европейские левые на рубеже тысячелетий / отв. ред. В.Я. Швейцер. М.: Огни ТД, 2005. С. 123.

⁴⁶ Programm der Partei der Europäischen Linken (EL). Grundungskongress der Partei der Europäischen Linken. Rom 8 und 9 Mai 2004. URL: <http://euroleft.org/docs/el-manifesto.de.html>.

ключевыми отраслями экономики, за социальное государство, гарантирующее его гражданам безбедное существование, за жёсткие меры контроля над монополиями, за экологический и социальный контроль над энергетикой, а в целом – за общественный контроль над государственной властью⁴⁷.

В период кризисных явлений, охвативших многие стороны экономического и социального бытия Евросоюза, левые давали этой ситуации острые критические оценки, совмещая их с альтернативными идеями общего порядка. Лейтмотивом позиции левых, высказанным в документах и программах конца первого – середины второго десятилетия XXI в., был кризис всей капиталистической системы, а не частные неурядицы в сфере экономики и финансов. К выборам в ЕП 2014 г. левые предложили программу коренного реформирования ЕС и его деятельности. Была раскритикована широко проводившаяся в ЕС политика жёсткой экономии. Предлагалась новая модель социального и экологического развития, предусматривалось расширение участия граждан во всех сферах политики Евросоюза и создание социально-правовой Европы. Вопреки отстаиваемой консерваторами и либералами идее трансатлантического сотрудничества, ставился вопрос о расширении торговых отношений со всеми странами. Левые в своём предвыборном Манифесте декларировали в качестве цели «создание мирной Европы, независимой от США и НАТО, приоритет интернационализма перед империализмом»⁴⁸.

К новым евровыборам 2019 г. левые партии вновь попытались программно, исходя из своих прежних доктринальных установок, оценить ситуацию как на континенте, так и в мире в целом. Здесь, однако, выяснилось, что предвыборная пятилетка, охватившая такие события, как миграционный кризис, брекзит, фронда вишеградцев по отношению к Брюсселю, приход к власти в США Д. Трампа, события вокруг Украины, усилили разногласия в левосоциалистическом лагере. В «Совместной платформе» к евровыборам 2019 не без труда удалось предложить

⁴⁷ Лафонтен О. Свобода через социализм // Актуальная социал-демократия в XXI веке. М.: Ключ-С, 2009. С. 51-61.

⁴⁸ URL: <http://www.european-left.org/4-el-congress>.

общие для электората левых партий тезисы, совпадавшие с ранее обнародованными позициями. Осуждалась неолиберальная концепция европейского строительства, обозначался приоритет социальных прав, более важных, чем экономические свободы. Вся «левая альтернатива» курсу, заведшему ЕС в тупики многочисленных кризисов, была сформулирована в традиционном для ПЕЛ ключе: «Мы предлагаем другой путь: построить Европу на новых основах, где суверенитет народа должен уважаться. Нашей целью является воскрешение будущего: сотрудничество и солидарность на европейском уровне во благо наших народов и народов всего мира»⁴⁹.

Ещё более традиционно-жесткие, но от этого не более реализуемые на практике предвыборные положения представила за год до последних евровыборов группа партий, входящая в европарламентскую фракцию левых, – испанская «Подemos», французская «Непокорённая Франция» и португальский «Левый блок». Созданное ими движение «Сейчас – народ», к которому примкнуло несколько второстепенных левосоциалистических групп Скандинавии, выделяясь даже на фоне ОЛ–ЗСЕ неистовой антилиберальной риторикой, выдвинуло явно сомнительный лозунг «За гражданскую революцию в Европе»⁵⁰. Таким образом, реалистический анализ современной европейской ситуации часть левых вновь подменяли, как и в прошлом, изощрённой политической демагогией.

Было бы, однако, неверно представлять левых социалистов чисто пропагандистским явлением в политической жизни Европы XXI в. Их левые, а подчас и радикально левые эскапады, отнюдь не мешали им активно участвовать в борьбе за место под солнцем в системе исполнительной власти. Европейский электоральный процесс давал им возможность проявить себя в качестве партнёров партий иного идейно-политического качества и партийного менталитета. Причём уровень сотрудничества, пускай и временного, простирался от сферы местных органов исполнительной власти до правительств и высших властных ин-

⁴⁹ Костюк. Р. Левые альтернативы в кампании по выборам в Европейский парламент в 2019г. // «Современная Европа». 2019. №5. С. 63.

⁵⁰ Там же. С. 64.

ституты отдельных государств ЕС. Электорат соответствующих государств учитывал, наряду с оценкой соответствующих партий по текущей повестке, также и исторические заслуги левых в борьбе с силами реакции.

Выделим здесь регионы Средиземноморья, где в одной из самых малонаселённых стран – членов Евросоюза – Кипре президентом в 2008 г. стал лидер партии коммунистического толка АКЕЛ Д. Христофидис. АКЕЛ и до этого важного события в её политической истории неоднократно формировала правительство. В Италии рубежа XX–XXI вв. одна из частей расколовшейся ещё в начале 90-х гг. Компартии – «Партия коммунистического Возрождения» – входила в правительство левой коалиции «Оливковое дерево». Во Франции ФКП в 1997–2002 гг. участвовала в правительстве социалиста Л. Жоспена. В Португалии местные коммунисты, как часть коалиции Демократического единства, хотя и не были представлены в 2015–2019 гг. в социалистическом кабинете А. Кошты, длительное время оказывали ему парламентскую поддержку. Однако средиземноморский вариант прямого либо косвенного соучастия во власти коммунистов и близких к ним левых сил имел краткосрочный характер. По его итогам политические позиции местных коммунистов не только не окрепли, но значительно пошатнулись, о чём свидетельствовали парламентские выборы в этих странах в первые два десятилетия XXI в.

Не мог быть признан для левых удачным и греческий вариант. СИРИЗА, перехватившая у почившей в бозе ПАСОК бразды лидера левых сил страны, возглавила в 2015–2019 гг. правительство, где коалиционным партнёром стала партия противоположного политического спектра – националисты из «Независимых греков». В результате СИРИЗА, утратив, как показали парламентские выборы 2019 г., часть левого электората, не нашла поддержки у иных социальных слоёв греческого общества, хотя её лидер А. Ципрас сохранял высокий авторитет. В Испании харизматическим предводителем левых социалистов стал Р. Иглесиас. Его партия – «Подemos» – с января 2020 г. входит в коалицию с ИСРП, занимая в правительстве 5 министерских постов, а сам её лидер стал вице-премьером. Отметим, что со-

трудничество осуществлялось в рамках совместной программы «Прогрессистская коалиция. Новое соглашение для Испании». Начавшееся 30 декабря 2019 г. сотрудничество «Подemos» и ИСРП отнюдь не бесконфликтно, ибо у коалиционных партнёров не всегда совпадают позиции как по социально-экономическим вопросам, так и по решению «каталонской проблемы».

Определённый опыт присутствия во власти партий левосоциалистического толка накоплен и в странах Северной Европы. Наиболее плодотворен он в Финляндии, где «Левый союз», в который влилась часть местных коммунистов, входит время от времени в состав коалиционного правительства. В соседней Швеции наследница бывших коммунистов – Левая партия достаточно активно сотрудничает с находившимся в 2006–2018 гг. в оппозиции местными социал-демократами и «зелёными». Однако обе партии создали новое правительство безлевой партии. Последняя в большинстве случаев всё же поддерживает в парламенте эту коалицию, которой противостоит блок буржуазных партий, а также крайне правые «Шведские демократы». Входящий во фракцию левых в ЕП датский «Единый список» (коммунисты, экологи, левые социал-демократы) и Нидерландская социалистическая партия поддерживают в особых случаях местных социал-демократов, но, являясь электоральным меньшинством, не претендуют на высокие позиции в органах исполнительной власти. Схожая ситуация во Франции. «Непокорённая Франция» Ж.-Л. Меланшона неприемлема ни для уходящей с политической арены после краха «эры Олланда» соцпартии, ни тем более для либерально-консервативного лагеря. При этом сам Меланшон на президентских выборах 2017 г. получил голоса 19,6% французского электората. Но затем последовала явная неудача на парламентских выборах, когда «Непокорённая Франция» завоевала вместе с коммунистами лишь 26 парламентских мест. На евровыборах 2019 г. её поддержали только 6,3% электората. Всё это не делает «непокорённых» достойным партнёром для формирования с ними каких-либо коалиций, разве только на уровне местных органов власти.

Более успешной, правда, также на местном уровне выглядит немецкая Левая. За два последних десятилетия она накопила оп-

ределённый багаж сотрудничества в земельных правительствах как с «зелёными», так и социал-демократами. Подняться на более высокую ступеньку властной вертикали ей мешает «санитарный кордон», который в отношенииевой Сохраняют основные правящие коалиционные партии – ХДС/ХСС и СДПГ, и который также не нарушают СвДП и «зелёные».

В целом крайне левый фланг европейской политики сохраняет потенциальные возможности для электоральных успехов при острой турбулентной ситуации в экономической и социальной сферах. Но они сводятся к минимуму при относительной стабильности как на континенте в целом, так и в его отдельных страновых сегментах.

3.4. Национал-изоляционизм: закономерности и специфика

Партии, о которых пойдёт речь в этом разделе, называются в научном сообществе по-разному. Используется термин «евроскептики», который даёт характеристику важному аспекту их идейно-политических воззрений – неприятию, правда, в разной степени и формах проявления, нынешней конструкции Европейского союза. Кроме того, они – безусловные популисты, оперирующие в пропагандистском плане хорошо усваиваемыми, но от этого не становящимися политически адекватными лозунгами и понятиями. К тому же популизм в разных формах и проявлениях присущ практически всем политическим силам, ищущим поддержки у электората, не всегда отличающего форму от содержания. Наконец, к ним, вполне естественно, привязан термин «национализм», качество которого варьируется от умеренного до радикального. Нередко национализм заменяется понятием «суверенизм», что определяет приоритет именно национальных позиций относительно общеевропейских, а тем более глобальных⁵¹.

Представляется, что «национал-изоляционизм» является термином, наиболее адекватно обобщающим и уточняющим суть этой становящейся всё более влиятельной части европейского политического театра. Партии данного направления, при всех их страновых различиях, стремятся по возможности изолировать

⁵¹ Подробнее в разделе 5 гл. 1.

государства, в которых они действуют, от объективных тенденций глобального и континентального развития. Прежде всего, они делают упор на абсолютный приоритет именно национальных интересов по сравнению с общеевропейскими. Они не поддерживают развитие европейской интеграции в имеющемся институциональном формате. Они против системы хотя бы ограниченного контроля со стороны ЕС над всем, что связывает европейские и национальные интересы. Они стремятся, по мере возможности, защитить свои государства от такого глобального явления, как миграционные потоки. Явно скептически они относятся и к расширению Евросоюза, всячески сопротивляясь приёму новых государств, не соответствующих, по их мнению, «европейской идентичности». В сфере экономики и социальной жизни они опять-таки стремятся изолировать страны, в которых они политически активны, от континентальных и глобальных тенденций, якобы несовпадающих с национальными чаяниями собственного населения. Их изоляционизм затрагивает и региональную неоднородность Европы. Отсюда и разговоры о «скандинавской» или «южноевропейской» идентичности. Весьма актуальной в связи с брекзитом является тема институционального развода собственных стран с ЕС, выдвижение в этой связи особых условий для дальнейшего сотрудничества.

Национал-изоляционисты являются на сегодняшний день весьма заметной силой в электоральном общеевропейском пространстве. Партии, поддерживающие вышеуказанные позиции, вполне удачно выступили на последних (2019 г.) выборах в Европарламент, находясь по проценту полученных голосов в пятёрке национальных лидеров, а в некоторых случаях став призёрами европарламентского марафона. В порядке убывания обозначим результаты основных национал-изоляционистских сил ЕС и их место относительно партий иных политических направлений. Безусловный лидер в лагере национал-изоляционистов – это итальянская «Лига», упразднившая в политических интересах свою региональную принадлежность – «Лига Севера» (34,3%, 1 место). Вторым стал британский «Брекзит» (30,7%, 1 место), хотя в выборах принимала участие и Партия независимости Соединённого Королевства (3,2%), чей лидер Н. Фарадж

после выхода страны из ЕС отказался от активной политической деятельности, посчитав достигнутый результат главным итогом своей карьеры. Первенство на евровыборах во Франции выиграла и партия М. Ле Пен (23,3%). Как и два вышеназванных фаворита в лагере национал-изоляционистов, данная партия подкорректировала своё наименование, поменяв «Национальный фронт» на «Национальное объединение». Обновление, скорее всего, было связано с тем, что «фронт» определял некую конфронтационную особенность партии, а «объединение» даёт ей миролюбивую коннотацию.

Результаты национал-изоляционистов следующей группы стран охватывают диапазон от 17% до 10% избирателей – участников последних выборов в ЕП. В Австрии третьим «призёром» стала Партия Свободы (17,2%), хотя не случись с её лидерами незадолго до ЕП-19 скандал «Ибица гейт», результат мог бы быть, по мнению местной прессы, значительно лучше. Скандинавские национал-изоляционисты также улучшили, по сравнению с ЕП-14, свои результаты. «Шведские демократы» (15,3%) стали третьими, «Финны», ранее ИФ (13,8%) – четвёртыми. Такое же место в национальном зачёте получила Датская народная партия (10,7%). В трёх соседних странах – Германии, Нидерландах и Бельгии – представители национал-изоляционистов тоже вышли из 10%-ного сегмента: «Альтернатива для Германии» (11%), нидерландский «Форум за демократию» (11%), бельгийский «Фламандский интерес» (11,7%). На национальной сцене бельгийцы стали вторыми, а немцы и нидерландцы четвёртыми.

Национал-изоляционисты указанных стран входили в своём большинстве во фракцию, называвшуюся в момент проведения майских выборов 2019 г. в ЕП «Идентичность и демократия». Впрочем, было два исключения: «Брекзит», как и ПНСК, до выхода Великобритании из ЕС состоял во фракции «Европа свободы и прямой демократии», «Шведские демократы» из-за конфликта с финскими ИФ изначально присоединились к фракции «Европейские консерваторы и реформисты». К категории «независимых» причислял себя «Нидерландский форум за демократию». Здесь же обитали ещё три партии – венгерский «Йоб-

бик» (6,4%), испанский «Голос» (6,2%) и греческая «Золотая Заря» (4,9%). Все они не могли быть приняты в другие фракции из-за очевидных крайне правых и расистских взглядов, высказанных в той или иной форме их лидерами или другими ответственными функционерами⁵².

Рассматривая европарламентские позиции национал-изоляционистов, обратим внимание на два важных обстоятельства. Их усиление в ЕП постоянно шло с наращиванием электорального потенциала в собственных странах. Рубеж XX–XXI вв. оказался знаковой вехой, обозначившей очевидное наступление националистов на органы исполнительной власти посредством их усиления в системе законодательной власти. Первой ласточкой здесь стала Австрия, где Партия Свободы в условиях несогласованности традиционных партнёров по коалиции – СПА и АНП – смогла стать на почти 6 лет, с 2000 по 2006 г., младшим правительственным партнёром Народной партии. В Нидерландах после майских выборов 2002 г. вторым по числу парламентских мест стал «Список Пима Фортейна», лидер которого всерьёз рассчитывал на партнёрство по коалиции с правыми партиями национального истеблишмента. В 2002 г. так и произошло, правда, уже после его гибели от рук террориста-одиночки. СПФ практически никак себя не проявил за длившееся несколько месяцев коалиционное сотрудничество с местными либералами. Наконец, президентские выборы 2002 г. во Франции, где кандидат от Национального фронта Ж.-М. Ле Пен сенсационно вышел во второй тур, показали, что в Европе намечается тенденция качественного усиления национал-изоляционистов.

После выборов в Европарламент в 1999 г. это течение, при всей своей разнородности, смогло организовать собственную фракцию «Союз за Европу наций», в которую вошли 30 депутатов. Кроме того, внефракционными были ещё 14 депутатов национал-изоляционистского толка, представлявших НФ Франции, ПС Австрии, ФНА Бельгии, НП Дании, а также крайне правых из ФРГ, Италии, Греции. В следующей легислатуре 2004–2009

⁵² Результаты выборов в ЕП19 даются по официальной статистике ЕП «2019 European election results. European Parliament in Collaboration with Kantar» 17.06.2019.

представители этого течения самоорганизовались во фракцию «Союз европейских наций», членами которой были 27 депутатов, хотя основные политические силы национал-изоляционистов оставались в категории «внефракционных депутатов» (АПС, ФБ, ЛС, НФ). Именно эти партии инициировали в 2007 г. создание группы, величаво названной «Идентичность, традиции, суверенитет», главными в которой были НФ и АПС. С ними на первых порах соглашались сотрудничать «Великая Румыния», болгарская «АТАКА», а также «Фламандский интерес», созданный в 2004 г. после того, как судебные власти Бельгии запретили деятельность «Фламандского блока», обвинённого в пропаганде расизма.

Однако новая фракция вскоре распалась, так как румыны и болгары считали, что их западноевропейские коллеги не предоставили им процедурно рассмотренных постов в структурах ЕП. Но ни у кого из несостоявшейся фракции не вызывали сомнения главные политические лозунги группы: защита христианских ценностей и семейных традиций, борьба с массовой иммиграцией, противодействие созданию «европейской супервласти». Появление этой явно евроскептической группы партиями истеблишмента было истолковано по-разному. Социалисты устами одного из своих лидеров М. Шульца (СДПГ) предлагали создать вокруг новой фракции своего рода «санитарный кордон», чтобы блокировать их избрание в руководящие структуры ЕП. ЕНП и АЛДЕ посчитали это излишним, надеясь, что всё как-нибудь само собой рассосётся. Удивительно, что эту точку зрения разделял и глава «зелёных» Д. Кон-Бендит, полагавший недемократичным создание «кордона», нарушающего, по его словам, принятые в ЕП процедуры. У лидеров представленных в ЕП партий истеблишмента не было особых возражений и против группы «За демократическую и разнообразную Европу», которую возглавил Н. Фарадж, уже тогда активно выступавший за выход Великобритании из ЕС. Вместе с ним в группе были евроскептически настроенные депутаты из Швеции и Дании, призывавшие к новым референдумам, выводящим их страны из ЕС.

После очередных выборов в ЕП (2009 г.) национал-изоляционисты разных стран так и не смогли, а может быть, и не за-

хотели создать единую внутривластную структуру. В результате они действовали тремя независимыми друг от друга отрядами. Н. Фарадж возглавлял переименованную группу «Европа свободы и демократии» (ЕСД), в которую входили итальянская «Лига Севера», «Истинные финны», ЛАОС Греции, ряд мелких партий из стран «постсоциалистического лагеря». В её программных документах, наряду с чисто евроскептическими тезисами, содержались призывы к уважению европейских традиций и национальных интересов. Одновременно осуждались ксенофобия, антисемитизм, любые формы нетерпимости. Стратегической целью называлось проведение референдумов о членстве соответствующих стран в ЕС. Однако попытка самоорганизации евроскептиков не дала перспективного результата. После выборов 2014 г. от фракции Н. Фараджа откололись такие влиятельные в своих странах партии, как «Лига Севера», Датская народная партия и «Истинные финны».

Две последние оказались во фракции ЕКР, возглавляемой британскими консерваторами, чьё отношение к ЕС мало чем отличалась от позиции ПНСК. Зато к Фараджу присоединилось «Движение пяти звёзд», евроскептицизм которого был сходен с позицией лидера «Европы за свободу и демократию». В ряды ЕСД вошли и ранее независимые «Шведские демократы». В сумме эта фракция объединила после выборов 2014 г. 48 депутатов из 7 стран.

По итогам выборов 2014 г. наибольшее число депутатов национал-изоляционистского толка находилось в группе так называемых «внефракционных» (52 человека). Её профиль, соответствующий национал-изоляционизму, разнообразен по партийно-страновой принадлежности депутатов. Здесь был и Национальный фронт, который после принуждения к отставке Ж.-М. Ле Пена возглавила его дочь Марин. Депутаты Фронта стали второй после ХДС/ХСС по численности (23) национальной партийной группой. Другие «внефракционные» также представляли крупные страны Европы: «Лига Севера», ФИ Бельгии, АПС, ПС Нидерландов. Три партии традиционно считались крайне правыми – «Йоббик» (Венгрия), «Золотая Заря» (Греция), НДП (Германия).

Представители крайне правых, за исключением трёх последних, входили в так называемую европартию «Движение за свободу и демократию». Поэтому их Манифест, приуроченный к евровыборам 2014 г., можно считать некоей сублимацией позиций национал-изоляционистов по текущим и перспективным европейским проблемам. Безусловно важнейшей в борьбе за электорат выглядела тема финансового и в широком контексте экономического кризиса рубежа первого и второго десятилетия XXI в. Главным инструментом его преодоления авторы Манифеста называли «национальное государство», а не евросоюзские структуры. Говорилось о необходимости сокращения «законодательных полномочий Брюсселя». Члены Евросоюза должны стать пионерами инноваций и экономического роста, сохраняя при этом возможность взаимодействия с другими странами ЕС. Превозносился разумный протекционизм, который должен избавить государства ЕС как от недобросовестной конкуренции в рамках самого союза, так и от вредного для Европы внешнего воздействия. Оно особенно токсично для малого и среднего бизнеса.

Авторы Манифеста высказали своё мнение и по теме финансового кризиса. Не одобрялась бесконтрольная помощь оказавшимся в провале финансовым системам Южной Европы. Принципиально неверным было сочтено решение финансовых проблем посредством перераспределения средств от «богатых» к «кризисным» государствам. Последние должны получить возможность выхода из еврозоны, восстановлению национальной валюты и, при необходимости, её девальвации.

Не был, разумеется, обойдён молчанием и миграционный кризис. Вполне естественным для национал-изоляционистов являлось требование ослабить приток в Европу мигрантов и беженцев, так как не мигранты, а разумная семейная политика должна помочь Европе решить демографические и хозяйственные проблемы. Вносилось важное предложение: «У каждой страны ЕС должно быть право на проведение собственной политики по вопросам миграции и предоставления убежища, а также вопросов трудовых и социальных прав мигрантов. Подобный подход должен быть распространён и на сферу межстрановой мигра-

ции в ЕС». Тематика миграции в ЕС увязывалась в Манифесте с необходимостью поддержки «традиционных христианских и гуманистических ценностей, на которых зиждется ЕС, перед лицом опасности, которые таит в себе распространение на его территории радикального ислама». Особо подчёркивалась необходимость «укрепления национальной идентичности формирующих ЕС народов»⁵³. Отметим, что Манифест подписали М. Ле Пен (НФ), Ф. Обермайер (АПС), Ф. Клейс (ФБ), К. Эжерот (ШД).

Появление процитированного документа было важным шагом для новой попытки национал-изоляционистов организационно оформить своё присутствие в ЕП. По итогам выборов 2014 г. вырисовывалась достаточно мозаичная картина представительства этой категории парламентариев в ЕП. Большинство из партий этого идейно-политического направления находилось среди «внефракционных» (независимых). Примерно столько же входило во фракции Н. Фараджа – «Европа свободы и демократии» и «Европейские консерваторы и реформисты». По приблизительным подсчётам всего в парламенте было немногим более 100 депутатов национал-изоляционистских взглядов.

В сложившейся ситуации М. Ле Пен опять, как в 2007 г., взяла на себя инициативу объединения единомышленников под одной крышей. В июне 2015 г. она объявила о формировании фракции «Европа наций и свобод» (ЕНС), которая, после незначительных организационных разногласий, получила название «Идентичность и демократия», под которым она конституировалась в ЕП легислатуры 2019–2024.

По числу депутатов и количеству стран, представленных во фракции ЕНС, новообразование вполне соответствовало критериям Европарламента. Главным в ней, вполне естественно, был лепеновский Национальный фронт (23 депутата), другие страны представляли значительно меньшее число парламентариев – Австрийскую Партию Свободы (4), итальянскую «Лигу» (5), Фламандский интерес из Бельгии (3), польский Конгресс новых правых (4), Партию свободы Нидерландов (4). В 2016 г. в состав ЕНС вошли 6 депутатов от «Альтернативы для Германии». Кроме них в ЕНС в индивидуальном качестве присутствовали депу-

⁵³ URL: <http://www.euroel-free.org/sites/default/files/manifesto%20EAF%20.pdf/>

таты, избранные в ЕП по другим фракционным спискам⁵⁴. Следует обратить внимание на то, что после выборов 2019 г. фракция, называвшаяся «Идентичность и демократия», увеличилась не только в численном, но и в страновом измерении. Сегодня в ИД числятся 76 депутатов, и она стала четвёртой из семи фракций нынешней легислатуры. Наиболее многочисленны в ней итальянцы из «Лиги» – 28, французы из «Национального объединения» (бывшего НФ) – 22 и немцы – «Альтернатива для Германии» (11). Одним-двумя депутатами представлены национал-изоляционисты Бельгии, Дании, Чехии, Эстонии, Финляндии. По разным причинам во фракции отсутствуют «Шведские демократы» и нидерландская Партия Свободы, не прошедшая в ЕП нынешней легислатуры.

Перемены персонального характера произошли и в руководящем составе национал-изоляционистов. Претензии на высшие органы власти в своих государствах сделали европарламентские места второстепенными для М. Ле Пен и М. Сальвини. Первая после парламентских выборов 2017 г. стала депутатом Национального собрания, а немного раньше вышла во второй тур президентских выборов, показав на них вполне ожидаемый неплохой результат (33,9%). Что касается М. Сальвини – лидера «Лиги», то его вице-премьерство в 2018–2019 гг. явно не вписывалось в европарламентские битвы, связанные с новым электоральным циклом ЕП. Поэтому в новом руководстве ИД появились фигуры второго ряда. Председателем фракции избрали Н. Бей, а вице-председателем М. Джанни. Коллегой последнего стал Е. Мойтен из АдГ. Таким образом, и в этой фракции, как и в других структурах ЕП, триумвират – Германия – Франция – Италия – сохранил свои позиции.

Брекзит по-разному сказался на представительстве в ЕП национал-изоляционистов. С одной стороны, его покинули британские депутаты от временного спойлера ПНСК – партии «Брекзит» (29 депутатов). В результате фракция «Европа свободы и прямой демократии» после брексита утратила численность, необходимую для своего существования. Часть депутатов попала в категорию «независимых», некоторые в незначи-

⁵⁴ URL: <http://www.results-elections2014.eu/en/election-results-2014.html>.

тельном количестве присоединились к другим фракциям⁵⁵.

Картина политического влияния национал-изоляционистов будет неполной без её страновой составляющей. Выборы в ЕП являются лишь частью электорального европейского процесса, формирующего органы законодательной и исполнительной власти современной Европы. Поэтому целесообразно определить реальные страновые позиции рассматриваемых нами партий. Сразу отметим, что ни в одной из стран – членов Евросоюза национал-изоляционисты не занимали в XXI в. посты президентов или премьер-министров. Другое дело, что вопреки идее «санитарного кордона», им, по итогам национальных выборов, удавалось в качестве младших партнёров временно входить в коалиционные правительства. Наибольшая длительность такого сотрудничества наблюдалась в Австрии в начале первого и в конце второго десятилетия. Правда, ЕС не был безразличен, когда АНП пошла в 2000–2006 гг. на коалицию с Партией Свободы. Относительный бойкот Австрии привёл к тому, что Народная партия не передала в руки АПС ключевых внешнеполитических и социально-экономических постов в правительстве. В 2017–2019 гг. АНП, опять-таки пойдя на вынужденную коалицию с Партией Свободы, фактически лишила её поста министра иностранных дел, поручив независимому эксперту К. Кнайсель руководство внешнеполитическим ведомством. Наконец, третий случай, подпадающий под условный «санитарный кордон», произошёл на президентских выборах 2016 г., когда совместными усилиями партий австрийского истеблишмента (АНП+СПА) высшим должностным лицом стал лидер «зелёных» А. ван дер Беллен, на 1,5% голосов опередивший во втором туре одного из лидеров АПС Н. Хофера.

В скандинавском регионе, где в нынешнем столетии местные национал-изоляционисты также значительно усилили свои электоральные позиции, ситуация в ряде стран была более благоприятной для их претензий на участие в органах исполнительной власти. В Финляндии наибольшим достижением партии «Истинные финны» стало их вхождение после парламентских выборов 2015 г. в коалицию с либералами и консерваторами. Их

⁵⁵ URL: <https://www.europarl.europa.eu/portal/en>.

лидер Т. Сойми получил пост министра иностранных дел, однако он не смог, да, по-видимому, и не хотел проводить евроскептический курс, не согласованный с партнёрами. В Дании по итогам парламентских выборов 2015 г. ДНП предпочла борьбе за места в правительстве парламентскую поддержку антииммиграционных шагов кабинета либералов. В соседней Швеции местные национал-изоляционисты из ШД объективно, по удельному весу их партии в риксдаге, потенциально поддерживают консервативно-либеральную оппозицию, готовую вернуться в органы исполнительной власти. Таким образом, «санитарный кордон» в Швеции является не столько принципиальной, сколько конъюнктурной спецификой правого партийного истеблишмента.

Изоляция «изоляционистов» более реальна в Германии, где даже на местном уровне правые партии не готовы пойти на какие-либо коалиционные соглашения с АдГ, хотя в Баварии такая перспектива представляется более реальной, чем в органах власти других земель. В Бельгии и Нидерландах с учётом раскола в партийном сегменте националистов их более умеренная часть – НФА (Бельгия) и Форум за демократию (Нидерланды) уже сейчас делают первые шаги к коалиционному сотрудничеству с представителями истеблишмента в местных органах власти.

Наибольшего успеха в завоевании властных позиций добилась итальянская «Лига», чьи функционеры уже давно освоили провинциальные органы власти на севере страны. Их коалиция с «Движением пяти звёзд» (2018–2019 гг.) хотя и вызвала тревогу в евросоюзовском истеблишменте, однако реально не стала угрозой для власти имущих в ЕС. Отметим, что как М. Сальвини, так и М. Ле Пен по мере продвижения к высшим постам в национальной политической иерархии значительно снижают градус своего евроскептицизма, фактически устраняя из риторики тему выхода своих стран из ЕС или как минимум из еврозоны, но педалируя весьма негативное восприятие шагов Евросоюза по решению иммиграционной проблемы. Сегодняшний национал-изоляционизм как в страновом, так и в европарламентском масштабе, сохраняя в целом критическую дистанцию к партийному истеблишменту ЕС, не хочет «сжечь мосты» возможного вхождения во власть с его правой частью на условиях, со-

ответствующих не только своим принципиальным позициям, но и меняющейся внутри- и внешнеполитической конъюнктуре.

У риторики европейских национал-изоляционистов есть ещё одна, пока не оцененная по достоинству особенность. Ведущие деятели этого сегмента стремятся с помощью комплиментов в адрес России найти контакты с некоторыми отечественными политическими партиями, явно рассчитывая не только на моральную солидарность с их «антиевропеизмом», но и на определённую материальную поддержку. В последние годы имели место прямые контакты российских политиков разного масштаба с М. Ле Пен, М. Сальвини, Х.-К. Штрахе, функционерами из немецкой АдГ. Некоторым кажется, что связи, пускай официально не оформленные, идут на пользу европейской стратегии России. Но есть и иное мнение. Э. Ривера, М. Дэвис и Д. Буневич в исследовании, посвящённом национал-изоляционистам, констатируют: «Любые контакты с европейскими крайне правыми... будут работать против этого сближения, а значит, и против долгосрочных интересов России в Европе»⁵⁶. С нашей точки зрения, информационные контакты с партиями различных европейских течений вполне допустимы при условии, что они не ставят под сомнение национально-исторические приоритеты нашей родины, не противоречат морально-этическим ценностям и историческому опыту нашего народа.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Европейская многопартийность в условиях турбулентности

Два десятилетия начавшегося XXI в. дают повод для размышлений о роли и месте партийно-политической системы в амбициозном замысле единого Европейского союза, задуманного в послевоенный период и начавшего развиваться в самом конце века минувшего. Очевидно, что этот проект не мог быть ничем иным, кроме как стратегией, подкреплённой или опровергнутой событиями, предусмотреть которые не представля-

⁵⁶ Ривера Э., Дэвис М., Буневич Д. «Идентичность и демократия»: ультраправые в Европарламенте / под ред. В. Крашенинниковой. М.: Кучково поле, 2019. С. 40.

лось возможным. В результате многие решения в рамках Евросоюза принимались в ситуационной неопределённости, когда ошибочные действия осознавались лишь по прошествии некоторого времени. Такая диспозиция делала партии не столько субъектом, сколько объектом событий. Их лидеры стремились приспособиться к сложившейся ситуации, лишаясь возможности как-либо её изменить в интересах заявленной стратегии.

Всё это наглядно проявилось в рассмотренный нами период. Партийный компонент Евросоюза, худо-бедно справлявшийся с возложенными на него задачами в масштабе отдельных государств, оказался маломощным перед лицом общеконтинентальных проблем. Хотя чисто внешне партийные лидеры Европы контролировали ситуацию, однако им было не под силу исправить её в оптимальном варианте. Отсюда и ощущающиеся сегодня последствия валютно-финансовых потрясений конца первого десятилетия и кризиса зоны евро: задолженность юга Европы перед относительно благополучной центральной частью, не отрегулированная до конца проблема занятости и управления миграционными потоками. Никто так до конца и не понял, какие последствия будет иметь брекзит, насколько гарантирована энергетическая независимость ЕС, как будут складываться торговые отношения ЕС с глобальными игроками рынка, прежде всего США и Китаем, в какую сторону развернётся военно-политическое противостояние с Россией. Можно указать и на ряд других проблем, не решённых либо в принципе нерешаемых в условиях турбулентного состояния дел в современном мире.

Партийный компонент европейской политической системы показал в первые два десятилетия XXI в. что он ещё не вышел из своего поискового периода. Он с большим трудом вписался в конструкцию евросоюзской власти, причём не столько организационно, сколько персонально. Для европейцев А. Меркель – это, прежде всего, лидер современной Германии, уход которой с политической арены не даёт гарантии того, что пришедший ей на смену политик сможет сходу стать равноценной фигурой мирового масштаба. Приход к власти в соседней Франции Э. Макрона подтвердил импульсивность смены лидеров, подвижек в процессе обновления элиты. Наконец, итальянские сюжеты

начавшегося века также не свидетельствуют о просчитанности местным партийным классом процесса обновления его руководящей верхушки. М. Драги, как и его предшественник, не является представителем какого-либо чёткого направления в партийной структуре страны.

Турбулентность в партийном сегменте Европы подтверждается и неустойчивостью межпартийных коалиций. Причём в одних случаях (Испания, Португалия, Греция) их составными частями являются партийные фрагменты левого спектра политического класса Европы, а в других (Австрия, Швеция) – партии христианско-демократического либо социал-демократического лагеря, вынужденные партнёрствовать с далеко не во всём прогнозируемыми «зелёными». Недолговременные коалиции партий истеблишмента с национал-изоляционистами в Австрии, Финляндии, Нидерландах, их парламентская поддержка в Дании, коалиционное сотрудничество с умеренными сепаратистами в Бельгии, – всё это не способствовало стабилизации на европейском партийном пространстве. Свои проблемы партии национал-изоляционистского толка создают и вне ЕС: в Швейцарии и Норвегии. Левосоциалистический компонент в системе исполнительной власти в маленьких островных государствах – на Кипре и в Исландии – также не добавляет стабильности политической жизни этих государств.

Нет партийно-политического благополучия в «постсоциалистической» зоне Евросоюза. Отстаивая собственную национально-государственную идентичность, лидеры Венгрии и Польши резко расходятся по многим вопросам с, казалось бы, идейно близкими им межпартийными структурами ЕС. В первом случае ФИДЕС выходит из некогда родной венгерским консерваторам Европейской народной партии. Во втором – польская ПиС предпочитает конфликтовать, а не сближаться с клерикально-партийной по своей сущности ЕНП. В целом ситуация на партийном фланге Восточной Европы не позволяет ставить знак равенства между местными партиями и их европейскими партнёрами, даже принадлежащим к одной идейно-родственной евросоюзовской «семье».

Все эти процессы целиком и полностью отражаются в систе-

ме законодательной и исполнительной власти Евросоюза. Выборы в ЕП по своим электоральным показателям весьма далеки от явки на национальном уровне. Сами депутаты ЕП числятся отнюдь не в первом ряду национальных политиков, а выдвигаемые от стран – членов ЕС еврокомиссары далеко не всегда обладают опытом, соответствующим профилю работы в ЕК. Партийный компонент, с учётом его общей маловыразительности, практически не ощутим в их работе. Резолюции и решения Европарламента, принимаемые в большинстве случаев правящим триумvirатом (ЕНП, ПАСД, ОЕ) не несут в себе какой-либо обязательной для Евросоюза нагрузки. Всё решается не на пленарных заседаниях ЕП, и тем более не в его специализированных комитетах, а на высоком евросоюзском уровне.

Пирамида власти в ЕС вполне очевидна. Главное определяется весьма ограниченным коллективом политических лидеров, прежде всего из ведущих стран Евросоюза. Такие фигуры, как председатель Европарламента или глава Европейского совета, а также первое лицо в Еврокомиссии, обладают в этом контексте правом скорее совещательного, чем решающего голоса. И здесь, как и в других вышеописанных случаях, партийная принадлежность того или иного деятеля не играет существенной роли. Национально-государственные приоритеты гораздо важнее, чем идейно-политические позиции. Всё это сложилось в допандемийную эпоху. Коронавирус внёс в текущую ситуацию один, но весьма важный сюжет. Теперь ЕС, при всех никуда не девшихся прежних проблемах, озабочен главным образом борьбой с эпидемией, поражение в которой может сделать чисто академическими рассуждения о партийно-политическом пространстве в Европе XXI в. Очевидно, что без согласованных действий, вытекающих из согласованных же решений, выиграть битву с *COVID-19* будет крайне сложно. Но и ожидать, что все акторы европейского политического театра спонтанно осознают неизбежность такого поворота событий, было бы, с учётом минувших двух десятилетий, весьма и весьма оптимистично. Время покажет, каковы возможности партийно-политической системы Евросоюза выйти из состояния турбулентности, в котором она оказалась в начале нового тысячелетия.

ЛИТЕРАТУРА

Актуальная социал-демократия в XXI веке / под ред. В.Н. Шевченко. М.: «Ключ», 2009. 392с.

Ананьева Е.В. От нового лейборизма к прогрессивному консерватизму. М.: ИЕ РАН : Русский сувенир, 2013. 142 с.

Ананьева Е.В. Странные выборы в Британии // Современная Европа. 2019. №6. С. 76-84.

Британия в кризисе: тактические меры и стратегические цели / под ред. Ал.А. Громыко и Е.В. Ананьевой. М.: ИЕ РАН : Русский сувенир, 2012. 97 с.

Бабынина Л.О. Влияние брекзита на фракционную структуру Европейского парламента // Современная Европа. 2019. №5. С. 68-77.

Белов В.Б. Партийно-политический ландшафт Германии – основные тенденции // Европейская аналитика 2019. М.: ИЕ РАН; СПб.: Нестор-История, 2019. С. 21-29.

Великобритания – 2010: новая политическая ситуация / под ред. Ал.А. Громыко. М.: ИЕ РАН : Русский сувенир, 2010. 160 с.

Великобритания в преддверии всеобщих парламентских выборов в 2015 году / под ред. Е.В. Ананьевой. М.: ИЕ РАН, 2014 140 с.

Верников В.Л. Старый лидер лучше новых двух// Европейская аналитика 2017. М.: ИЕ РАН; СПб.: Нестор-История, 2017 С. 138-141.

Верников В.Л. Левое правительство в Испании не состоялось // Европейская аналитика 2019. М.: ИЕ РАН; СПб.: Нестор-История, 2019. С. 83-90.

Верников В.Л. Педро Санчес в борьбе за власть. Политический портрет лидера испанских социалистов // Современная Европа. 2019. №6. С. 95-104.

Выборы и избирательные кампании в Европе (2014–2015) / под ред. В.Я. Швейцера. М.: ИЕ РАН, 2015. 98 с.

Выборы в Европейский парламент – 2014: итоги и перспективы / отв. ред. В.Я. Швейцер. М.: Ключ-С, 2014. 241 с.

Выборы в Европарламент – 2019 / ред. колл. Ю.Д. Квашнин, А.К. Кудрявцев, Н.С. Плевако, В.Я. Швейцер. М.: ИМЭМО

РАН; ИЕ РАН, 2019. 177 с.

Выборы во Франции 2017 г.: итоги и перспективы / под. ред. В.Я. Швейцера. М.: ИЕ РАН, 2017. 87 с.

Гаврилова С.М. «Несистемные» политические партии в странах Европы // *Международная жизнь*. 2018. №10. С. 125-140.

Георгиев Г. Европеизм vs евроскептицизм в странах Центральной и Восточной Европы // *Контурсы глобальных трансформаций*. 2017. №1. С. 158-175.

Глобальный мир: к новым моделям национального и регионального развития. Т. I. М.: ИМЭМО РАН, 2014. 311 с.

Глобальный мир: к новым моделям национального и регионального развития. Т. II. М.: ИМЭМО РАН, 2014. 333 с.

Громько Ал.А. Модернизация партийной системы Великобритании. М.: Весь Мир, 2007. 330 с.

Гуселетов Б.П. Руководство Евросоюза: изменения по итогам выборов в Европарламент // *Современная Европа*. 2019. №6. С. 85-94.

Гуселетов Б.П. Становление института общеевропейских политических партий // *Современная Европа*. 2020. №4. С. 133-143.

Гуселетов Б.П. О трансформации института политических партий в эпоху глобализации на примере Европы // *Мировая экономика и международные отношения*. 2021. №5. С. 28-38.

Доманов А.О. Оценка уровня евроскептицизма партий Франции на основе контент-анализа их предвыборных программ // *Контурсы глобальных трансформаций*. 2018. №3. С. 199-212.

Европа: партии и выборы / отв. ред. В.Я. Швейцер. М.: «Огни», 2003. 71 с.

Европа 2017: партии, выборы, власть / отв. ред. В.Я. Швейцер. М.: ИЕ РАН, 2018. 129 с.

Европейский парламент. Проблемы и перспективы / отв. ред. В.Я. Швейцер. М.: Огни, 2004. 204 с.

Европейские левые на рубеже тысячелетий / отв. ред. В.Я. Швейцер. М.: Огни ТД, 2005. 366 с.

Европейские правые: прошлое, настоящее, будущее. Ч. I / отв. ред. В.Я. Швейцер. М.: Русский сувенир, 2008. 117 с.

Европейские правые: прошлое, настоящее, будущее. Ч. II /

отв. ред. В.Я. Швейцер. М.: Русский сувенир, 2008. 90 с.

Иликова Л.Э. «Движение пяти звёзд»: из блока в правительство Италии // Современная Европа. 2019. №4. С. 129-139.

Кавешников Н.Ю. Влияние трансформации партийно-политического пространства Евросоюза на организацию и функционирование Европарламента // Современная Европа. 2020. №2. С. 163-175.

Как выигрывают выборы в США, Великобритании и Евросоюзе: анализ политических технологий / под ред. Е. Минченко. М.: Фонд ИСЭПИ, 2015. 479 с.

Коалиционное правительство Великобритании – год после выборов / отв. ред. Ал. А. Громыко. М.: ИЕ РАН : Русский сувенир, 2011. 180 с.

Коалиционные правительства в современной Европе: шансы и риски / отв. ред. В.Я. Швейцер. М.: ИЕ РАН, 2020. 136 с.

Консервативные и либеральные партии западноевропейских стран / отв. ред. Т.Г. Пархалина. М.: ИНИОН РАН, 2007. 213 с.

Канинская Г.Н. Метаболизмы правого популизма во Франции XXI века // Контуры глобальных трансформаций. 2018. №3. С. 85-101.

Костюк Р.В. Левые альтернативы в кампании по выборам в Европейский парламент в 2019 году // Современная Европа. 2019. №5. С. 58-67.

Костюк Р.В., Канинская Г.Н. Европейские «зелёные»: от выборов в Европарламент до испытания коронавирусом // Современная Европа. 2020. №4. С. 123-132.

Кондратьева Н.В. Выборы председателя Европейской комиссии: итоги и перспективы // Европейская аналитика 2019. М.: ИЕ РАН ; СПб.: Нестор-история, 2019. С. 13-20.

Левые партии и движения в странах Европы / отв. ред. Т.Г. Пархалина. М.: ИНИОН РАН, 2012. 198 с.

Между сепаратизмом и автономией. Региональные и этнические партии в европейской политике / отв. ред. В.Я. Швейцер. М.: Огни, 2006. 197 с.

Маслова Е.А. Евроскептицизм и популизм в Италии: пример «Движения 5 звёзд» // Контуры глобальных трансформа-

ций. 2017. №1. С. 141-157.

Осколков П.В. Правый популизм в Европейском союзе. М.: ИЕ РАН, 2019. 164 с.

Осколков П.В. Этнорегиональные партии ЕС: феномен «Европейского свободного альянса» // Современная Европа. 2021. №1. С. 141-150.

Партии и движения политической альтернативы в современной Европе / отв. ред. В.Я. Швейцер. М.: ИЕ РАН, 2018. 140 с.

Плевако Н.С. Финляндия: электоральные итоги 2019 г. // Европейская аналитика 2019. М.: ИЕ РАН; СПб.: Нестор-история, 2019. С. 95-103.

Политические лидеры современной Европы / гл. ред. Т.Г. Пархалина. М.: ИНИОН РАН, 2019. 210 с.

Потёмкина О.Ю. Европейский парламент 2019: подготовка к выборам // Современная Европа. 2018. №4. С. 35-45.

Ривера Э., Дэвис М., Буневич Д. «Идентичность и демократия»: ультраправые в Европарламенте / под ред. В.Ю. Крашенинниковой. М.: Институт внешнеполитических исследований и инициатив; изд-во «Кучково поле», 2019. 48 с. (пер. с англ.)

Роль малых партий в партийно-политической системе Германии / под ред. В.П. Белова и Е.П. Тимошенко. М.: ИЕ РАН, 2015. 136 с.

Рубинский Ю.И. Франция: смена парадигмы // Европейская аналитика 2017. М.: ИЕ РАН; СПб.: Нестор-история. 2017. С. 108-117.

Рубинский Ю.И. Франция: «второй акт» Э. Макрона // Европейская аналитика 2019. М.: ИЕ РАН; СПб.: Нестор-история, 2019. С. 38-45.

Свет и тени «эры Макрона» / отв. ред. В.Я. Швейцер. М.: ИЕ РАН, 2019. 128 с.

Сепаратизм в политической жизни современной Европы / отв. ред. П.Е. Кандель. М.: ИЕ РАН, 2015. 84 с.

Соловьёв Э.Г. Эволюция партийных систем: новая точка бифуркации // Контуры глобальных трансформаций. 2018. №3. С. 185-198.

Трансформация партийно-политического ландшафта в стра-

нах Евросоюза в условиях кризиса. Ч. I. / отв. ред. Б.П. Гуселе- тов. М.: ИЕ РАН, 2017. 140 с.

Ход, итоги и последствия всеобщих парламентских выбо- ров 2015 г. в Великобритании/ под ред. Е.В. Ананьевой. М.: ИЕ РАН, 2015. 148 с.

Центральная Европа: политический портрет на фоне 100- летия / под ред. Л.Н. Шишелиной и М.В. Ведерникова. М.: ИЕ РАН, 2018. 240 с.

Шапаров А.Е., Синькова Е.В. Демаргинализация правого ра- дикализма в европейском политическом процессе // Современ- ная Европа. 2020. №5. С. 182-192.

Швейцер В.Я. Барометр партийно-политической жизни ЕС (Европарламент через год после выборов) // Современная Ев- ропа. 2010. №2. С. 31-48.

Швейцер В.Я., Таршин А.С. Европейский Союз: критики и апологеты // Современная Европа. 2016. №1. С. 16-25.

Швейцер В.Я. Выборы 2019 года в Европейский парламент: партийно-политическая панорама // Современная Европа. 2019. №1. С. 38-47.

Швейцер В.Я. Новые рубежи европейских националистов // Современная Европа. 2019. №6 С. 68-75.

Швейцер В.Я. Выборы в Европейский парламент: подведе- ние итогов // Европейская аналитика 2019. М.: ИЕ РАН; СПб.: Нестор-История, 2019. С. 7-12.

Шишелина Л.Н., Ведерников М.В. Выборы в Европейский парламент 2019 года и новый этап консолидации Вишеград- ской четвёрки // Современная Европа. 2019. №5. С. 45-57.

Шмелёв Д.В. Левый популизм в странах Запада. Феномен Ж.-Л. Меланшона // Контуры глобальных трансформаций. 2018. №3. С. 69-84.

Экономика и политика Германии: через год после выборов / отв. ред. Е.П. Тимошенко. М.: ИЕ РАН, 2019. 1334с.

Электоральные процессы в Европейском Союзе (середина второго десятилетия XXI века). М.: ИЕ РАН, 2016. 114 с.

Яшлавский А.Э. Антииммигрантские партии Европы: фаль- старт или второе дыхание // Контуры глобальных трансформа- ций. 2018. №3. С. 230-244.

Al-Serori L., Das Gupta O. «Die Akte Strache» // *Suddeutsche Zeitung*. 2017. Oct. 10.

Biezen I. van. *Political parties in new democracies: party organization in Southern and East-Central Europe*. New York: Palgrave Macmillan, 2003. 272 p.

Blair T., Schroder G. *Europe: The Third Way – Die neue Mitte* – London, 1999. 9 p.

Caramani D. *Nationalisation of politics: the formation of national electorates and party system in Western Europe*. N.-Y.: Cambridge university press, 2004. 368 p.

Day S., Show J. *Transnational Political Parties*. London, 2005. P. 99-117.

EU vor Bewährungsprobe – was erwarten, warum sorgen sich die Bürger? Friedrich-Ebert-Stiftung, Berlin, 2016. S. 18-21.

Krastev I. *The Strange Death of the Liberal Consensus* // *Journal of Democracy*. 2007. Vol. 18. №4. P. 56-63.

Laver M. *Governmental Politics and the Dynamics of Multiparty Competition* // *Political Research Quarterly* sept. 2008. Vol. 61, №3. P. 532-536.

March L. *Contemporary for left parties in Europe: From Marxism to the Mainstreams?* // *Internationale politik und gesellschaft*. 2009. №1. S. 126-142.

Neugebauer G. *Politische Milleus in Links – Rechts – Raum* // *Neue Gesellschaft*. 2008. №5. S. 46-47.

Pelinka A. *Die FPÖ im Internationalen Vergleich*. Innsbruck 2002.

Taggart D. *Populism in Western Europe*. In: *Oxford Handbook of Populism*. Oxford: OHP, 2018. P. 248-266.

Vranitzky F. *Politische Erinnerungen*. Wien 2004. Europa Verlag 630 s.

Wallace H., Pollak M.A., Yong A.R. (EDS) *Policy-Making in the European Union*. 7. Ed. 2015. Oxford University Press. 574 p.

The West European Party System / Ed. by P. Mair. Oxford: Oxford University Press, 1990. 364 p.

Whiteley P.F. *Is the Party Over? The Decline of Party Activism and Membership Across the Democratic World* // *Party Politics* 2011. Vol. 17. №1. P. 21-44.

ОБ АВТОРЕ

Швейцер Владимир Яковлевич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, руководитель Отдела социально-политических исследований ИЕ РАН. С 1966 г. работает в Академии наук СССР, ныне Российской академии наук. Автор 7 монографий по партийно-политической тематике современной Европы. Опубликовал более 300 статей, обзоров, глав в коллективных монографиях. Издавался в Австрии, Германии, восточноевропейских государствах. Сопредседатель межинститутского Научного совета «Партийно-политические системы Европы XXI века». Член российско-австрийской комиссии историков, член редколлегии журнала «Современная Европа». Участник многочисленных международных и российских конференций по проблемам современной Европы. Заместитель председателя диссертационного совета ИЕ РАН (политология, история).

ABOUT THE AUTHOR

Vladimir Schweitzer, Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher, Head of the Department of Social and Political Studies at the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences. Since 1966 he has been working at the Academy of Sciences of the USSR (now Russian Academy of Sciences). He is the author of 7 monographs on party and political topics of modern Europe. He has published more than 300 articles, reviews, and chapters in collective monographs. They were published in Austria, Germany, and Eastern European countries. Co-chairman of the interinstitutional Scientific Council «Party-political systems of Europe of the XXI century». Member of the Russian-Austrian Commission of historians, member of the editorial board of the journal «Modern Europe». Participant of numerous international and Russian conferences on the problems of modern Europe. Deputy Chairman of the Dissertation Council of the IE RAS (political science, history).

**В 2019–2021 гг. были выпущены следующие
доклады Института Европы**

365. П.В.Осколков. Правый популизм в Европейском союзе. ДИЕ РАН № 365. М., 2019 г.
366. А.И.Шумилин. Ближневосточные конфликты: европейский подход. ДИЕ РАН № 366. М., 2019 г.
367. И.Н.Щербак. Роль ООН, ЕС и ОБСЕ в кризисном урегулировании. ДИЕ РАН № 367. М., 2019 г.
368. Германия. 2019. Отв. ред. В.Б.Белов. ДИЕ РАН № 368. М., 2020 г.
369. Е.П.Тимошенкова. Партийно-политическая система Германии в период канцлерства А.Меркель. ДИЕ РАН № 369. М., 2020 г.
370. Денежно-кредитное регулирование в России и ЕС. Отв. ред. А.И.Бажан. ДИЕ РАН № 370. М., 2020 г.
371. Л.С.Биссон. Регулирование легальной миграции в Европейском союзе. ДИЕ РАН № 371. М., 2020 г.
372. Европа в поиске новых решений. Отв. ред. Р.Н.Лункин, П.В.Осколков. ДИЕ РАН № 372. М., 2020 г.
373. К.А.Годованюк. «Глобальная Британия» в преддверии брекзита. ДИЕ РАН № 373. М., 2020 г.
374. Коалиционные правительства в современной Европе: шансы и риски. Отв. ред. В.Я.Швейцер. ДИЕ РАН № 374. М., 2020 г.
375. А.А.Синдеев. Проблемы трансформации европейской безопасности в работах российских политологов. ДИЕ РАН № 375. М., 2020 г.
376. Выборы в Вишеградских странах 30 лет спустя. Особенности избирательных кампаний 2019–2020 гг. Отв. ред. Л.Н.Шишелина, Р.Н. Лункин. ДИЕ РАН № 376. М., 2020 г.
377. В.И.Мироненко. Украинский транзит. Опыт ситуационного анализа. ДИЕ РАН, № 377. М., 2020 г.
378. Итоги первого года правительства Б.Джонсона. Отв. ред. К.А.Годованюк ДИЕ РАН, № 378. М., 2020 г.
379. Германия. 2020. Под ред. В.Б.Белова. ДИЕ РАН № 379. М., 2021 г.
380. М.В.Ведерников. Словакия: от европейской идеи до членства в ЕС. ДИЕ РАН № 380. М., 2021 г.
381. Р.Н.Лункин. Страхи и надежды европейцев на фоне пандемии. ДИЕ РАН, № 381. М., 2021 г.
382. Мусульмане в Европе. Существование, взаимодействие, межкультурный диалог. Отв. ред. А.К.Камкин. ДИЕ РАН № 382. М., 2021 г.

«Reports of Institute of Europe» published in 2019–2020

365. P.V.Oskolkov. Right-Wing Populism in the European Union. Reports of the IE RAS, № 365. M., 2019.
366. A.I.Shumilin. The Middle East conflicts: European Approach. Reports of the IE RAS, № 366. M., 2019.
367. I.N.Shcherbak. The role of the UN, EU and OSCE in crisis regulation. Reports of the IE RAS, № 367. M., 2019.
368. Germany. 2019. Ed. by V.B.Belov. Reports of the IE RAS, № 368. M., 2020.
369. E.P.Timoshenkova. A party political system in Germany at the time of Angela Merkel' chancellorship. Reports of the IE RAS, № 369. M., 2020.
370. Monetary regulation in Russia and the EU. Ed. by A.I.Bazhan. Reports of the IE RAS, № 370. M., 2020.
371. L.S.Bisson. Legal migration governance in the European Union. Reports of the IE RAS, № 371. M., 2020.
372. Europe in search of new solutions. Ed. by R.N.Lunkin, P.V.Oskolkov. Reports of the IE RAS, № 372. M., 2020.
373. K.A.Godovanyuk. «Global Britain» in the run-up to Brexit. Reports of the IE RAS, № 373. M., 2020.
374. Coalition Governments in Contemporary Europe: chances and risks. Ed. by V.Ya.Shveitser. Reports of the IE RAS, № 374. M., 2020.
375. A.A.Sindeev. Problems of transformation of European security in the works of Russian political scientists. Reports of the IE RAS, № 374. M., 2020.
376. Elections in V4 countries after 30 years. Features of 2019–2020 electoral campaigns. Ed. by L.N.Shishelina, R.N.Lunkin. Reports of the IE RAS, № 376. M., 2020.
377. V.I.Mironenko. Ukrainian transit. Situation analysis experience. Reports of the IE RAS, № 377. M., 2020.
378. The results of the first year of Boris Johnson's government. Ed. by K.A.Godovanyuk. Reports of the IE RAS, № 378. M., 2020.
379. Germany. 2020. Ed. by V.B.Belov. Reports of the IE RAS, № 379. M., 2021.
380. M.V.Vedernikov. Slovakia: from European idea to EU membership. Reports of the IE RAS, № 380. M., 2021.
381. R.N.Lunkin. Fears and Hopes of the Europeans in the context of Pandemic. Reports of the IE RAS, № 381. M., 2021.
382. Moslems in Europe. Coexistence, cooperation, dialogue of civilizations. Ed. by A.K.Kamkin. Reports of the IE RAS, № 382. M., 2021.

Научное издание

В. Я. Швейцер

ПАРТИЙНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА
ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА
В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

Монография

Доклады Института Европы

№ 383

Подписано в печать 03.06.2021. Формат 60×90 ¹/₁₆
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл.-печ. л. 6,875
Тираж 500 экз. Заказ № 2571

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт Европы Российской академии наук
125009 Россия, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 3.
Тел.: 495-692-10-51, факс: 495-629-92-96.
E-mail: europe-ins@mail.ru
Web: <http://www.instituteofeurope.ru>

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии издательства «Нестор-История»
Тел. (812) 235-15-86